

18+

Андрей Вибе

UPGRADE

Андрей Вибе

Upgrade

«Издательские решения»

Вибе А.

Upgrade / А. Вибе — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. События, описываемые в романе, привязаны к конкретным местам и названиям улиц города Bremen и у меня в процессе написания создавалась иллюзия, что они действительно имели место быть... Они могли бы произойти в действительности и тем ни менее остаться незамеченными основной массой населения, ведущей борьбу с повседневными заботами жизни. Волей судьбы в их круговорот попал один из героев романа Феликс, жизнь которого изменилась, несмотря на его противостояние.

© Вибе А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	46
Глава 10	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Upgrade

Андрей Вибе

© Андрей Вибе, 2026

ISBN 978-5-0071-2525-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Феликс оторвал голову от подушки, приоткрыл глаза и сразу же плотно зажмурил их. Сквозь стекло в спальню лился холодный белый свет и бессовестно ослеплял его, не обращая внимания на ночное время суток. По-прежнему с полужакрытыми глазами, он уселся на кровати и, опустив босые ступни на пол, почувствовал ледяной холод, исходящий от пола, словно он высунул ноги на улицу. Через несколько секунд интенсивность освещения стала ослабевать и, полностью открыв глаза, он увидел, что свет исчез, как будто его и не было.

Время в виде четырёх цифр и двоеточия между ними в призрачном кругу на дверях спального гарнитура прыгнуло на минуту вперёд и подтвердило, что на дворе действительно глубокая ночь. Два часа тридцать три минуты.

«Или... слева два, справа две тройки... значит два... два равно два», — придумал его проснувшийся мозг интерпретацию этой числовой последовательности.

Бледный, почти не существующий круг, создаваемый прожектором будильника, стоящего на прикроватной тумбочке, смотрел на него двумя жирными точками и не мог быть источником света, прервавшим его сон. Для этого он был слишком слаб. Феликс недолюбливал свой будильник, потому что иногда спрессовав нажимал неправильную кнопку и вводил его в режим переустановки времени, быстро выйти из которого будильник был не в состоянии. Феликс постоянно путал, как долго он должен держать проклятую кнопку нажатой, чтобы она наконец-то выполнила правильную функцию, а именно — отключила повторный сигнал. Если бы часы не были подарком Изабеллы и Томаса, он бы давно попрощался с ними навеки и выкинул их в мусорный контейнер.

Показатель минут скакнул к следующей цифре, словно будильник извинялся за своё несовершенство и одновременно подтверждал версию Феликса о своей непричастности к незапно разбудившему его свету. Что-то другое перебило его сон. За окном было по-прежнему темно и можно было различить силуэты деревьев, покачивающихся на ветру на соседнем участке. Звёзд было не видно. Тёмная перина облаков затянула небо и все астрономы в городе были вынуждены, как нормальные люди, идти спать.

Справа от Феликса, зарывшись с носом в своё тёплое одеяло, лежала Вероника. Он часто завидовал её способностям быстро засыпать и спать всю ночь, не просыпаясь. Возможно, называть это способностями было бы преувеличением и просто лежало в особенностях её организма. Но так или иначе, Феликс разменяв свои пятьдесят, был больше не в состоянии на это и часто просыпался по ночам. Однако сегодняшний случай был необычным. Что-то будто выдернуло его из глубокого сна, словно больной зуб из челюсти посетителя зубоучебного кабинета.

Феликс снова принял горизонтальное положение и опустил голову на мягкую подушку. Его мозг проснулся и, как на конвейере, перерабатывал одну за другой возникающие из ниоткуда мысли. Завтра он спросит Веронику, может быть сосед сзади поставил себе новый сенсор движения и он включает прожектор... Может быть сосед сзади приехал поздно ночью и, будучи не совсем трезв, был в состоянии парковаться только передом и вдобавок включил дальний свет... Может... Он вообще-то странный человек, этот сосед сзади. За прошедшие три года, как они с Вероникой поселились в этом доме, он ни разу не видел его. Ещё бы. Как он мог бы его увидеть через непроходимые джунгли, в которые превратился участок соседа, за которым тот совершенно не ухаживал.

Однако на последней неделе там появился малогабаритный трактор и джунгли были уничтожены. К обоюдному удивлению Феликса и Вероники.

Мысли Феликса начали терять свои формы и, снова погружаясь в сон, он увидел непроходимые заросли африканского леса, вид которых сохранился где-то на окраинах его памяти

после просмотра документальных передач о природе. Его окружают сотни различных видов растений и все они похожи на папоротник, кусты которого Вероника посадила в ихнем саду.

Папоротник маленький, размером с кустик. Папоротник большой... Внезапно из-за большого папоротника выглядывает загорелый, худощавый на лицо мужчина. Его недовольный взгляд не предвещает ничего хорошего. Причина недовольства Феликсу ясна. Он зашёл на чужую территорию. Территорию, которая принадлежит его соседу. Загорелый мужик и есть его сосед. Это по какой-то таинственной причине Феликсу известно, хотя он его никогда не видел. Как же он мог его увидеть через джунгли из папоротников...

Снова открыв глаза, Феликс понял что наступило утро, потому как в спальне стало настолько светло, что время, высвечиваемое прожектором будильника, расплылось по двери шкафа и было невозможно распознать. Будильник не имел намерения нервировать его своим сигналом, потому как это было воскресенье, и Феликс отключил прожектор.

Вероника уже успела выпорхнуть из постели и, судя по шуму посуды на кухне, готовила что-то на завтрак. Обычно Феликс довольствовался жареными тостами с колбасой и сыром или булочками, закупленными в субботу. Сам факт, что она готовила завтрак, означал смену её настроения. Либо ей было скучно, либо она думала, что мало заботиться о своей худшей половине, либо считала себя виновной в очередном раздоре, либо... За какие заслуги бог наградил его такой женой, Феликс больше не задумывался и принимал как неизбежное добро или зло в зависимости от ситуации. Прошаркав по полу, выложенному ламинатом, в мягких тапках в форме двух мопсов, он завернул на кухню. На большой тарелке лежала уже гора панкейков и последний их собрат мучился на сковороде Вероники, приобретая красивый коричневый загар. Феликс представил себе, что кухонная комната это ад, а Вероника — чёрт со сковородкой, на которой жарятся грешники. Его лицо расплылось в хитрой улыбке, которая однако быстро потухла, когда он задумался, какая при этом роль могла быть уготована лично ему.

Его потусторонние мысли прервал кофейный автомат, который зажёл все свои многочисленные LED и сигнализировал, что он готов прожевать кофе, разбавить его водой и выплюнуть приготовленный напиток в стоящую в нём белую кофейную чашку. Похоже Вероника переключилась сегодня в режим угождения своему партнёру и это было очень даже прекрасно.

Феликса окатила минутная волна сознания, что жизнь однако может быть иногда простой и незакомплексованной. Воскресный день, мысли о работе постучатся только в понедельник, жена возится на кухне, чтобы приготовить ему вкусный завтрак... Однако внезапное воспоминание прошедшей ночи нагнало лёгкие тучки на до этого момента безоблачное небо его настроения и заставило кинуть недоверчивый взгляд в выходившее в сад окно. За редкой растительностью, пережившей карательную акцию трактора, можно было видеть красно-коричневый клинкер соседского дома. Черепица крыши постепенно покрывалась тёмно-зелёным мхом и деревянные рамы окон уже давно мечтали о покраске. Дверь балкона, располагающегося на втором этаже, была приоткрыта и внутренние жалюзи опущены. Обычное воскресное утро. Какой-либо жизненной активности в этот момент у соседа не наблюдалось.

«Конечно, — подумал Феликс. — Тот, кто гуляет всю ночь напролёт и потом будит своей сигнализацией спящих соседей, смотрит в это время только свой первый сон».

— Ники, ты не заметила, появилось у нашего соседа сзади что-нибудь вроде датчика движения с прожектором?

— Нет. Почему ты спрашиваешь? Ты хочешь вломиться к нему без приглашения и наконец-то познакомиться? — спросила Вероника, перекинув последний панкейк в тарелку.

— Ночью я проснулся от яркого света и спросонья чуть не ослеп.

— Ах, ты преувеличиваешь. Может быть это были фары машины?

— Может быть.

Феликс взял чашку кофе, вооружился блюдцем с тремя панкейками и направился на террасу, выходящую в сад. Поставив свой завтрак на столик и опустившись на плетённый стул, он снова просканировал недоверчивым взглядом примыкающий к саду соседский участок. Слева от дома располагался навес для машины и чёрного цвета Ford стоял к Феликсу попой вперёд. Сосед видимо относился ко второй категории людей, которые предпочитают парковаться задом, чтобы потом было легче и безопаснее выезжать с парковки. Люди второй категории продумывают свои действия на пару шагов вперёд, строят планы на будущее и часто плохо спят от буравящих голову мыслей. Феликс относил себя также ко второй. Людям первой категории не нужны планы. Они не заморачивают себе голову лишними мыслями, живут в своём удовольствии и спят хорошо. Феликс иногда об этом задумывался и приходил к выводу, что предпочёл был бы родиться человеком первой категории.

На таком расстоянии ему было трудно определить, торчит где-нибудь в стене датчик движения или нет. В кабинете у Феликса стоял телескоп, представляющий собой небольшой рефрактор с солидной монтировкой белого цвета. Три года назад он приобрёл его и оказался слегка разочарован. Звёзды даже через телескоп также и остались простыми и недостижимыми светлыми точками на чёрном небе. Только планеты солнечной системы можно было слегка приблизить и убедиться, что они действительно существуют и не являются только плодом фантазии сумасшедшего учёного. Самым крупным объектом оказалась конечно же Луна, усыпанная многочисленными кратерами, имена которых Феликс даже не пытался запомнить. Однако со временем и она наскучила ему.

Ему пришла мысль, что при помощи телескопа он бы точно нашёл зловерный прибор на стене соседского дома. Однако навести линзы на чужое окно, было ему в какой-то степени неприятно. Для него это было равносильно подглядывать в замочную скважину, чего он никогда не делал.

«Из-за положительного воспитания? — спросил он себя. — Или из-за возможности быть пойманным с поличным. Да и какой смысл всей этой акции? Ну, допустим, есть у соседа сигнализация. Ну и что...»

Феликс не считал себя вправе указывать кому-либо, как они должны жить, и старался избегать конфронтации с посторонними. Точно такого же отношения он всегда ожидал и по отношению к себе, однако жизнь почему-то не прислушивалась к его мнению и всегда выполняла свои собственные планы.

В этот момент длительных дискуссий с самим собой его взгляд неожиданно остановился на предмете прямоугольной формы, лежащем неподалёку от обветшалого садового домика соседа. В первую секунду Феликс не смог упорядочить эту садово-огородную утварь к какой-либо категории. Объект напоминал массивный каменный блок тёмно-серого цвета длиной один-два метра. Был он закопан в землю или просто лежал на её поверхности, было непонятно. С тех пор, как они поселились в этом доме, ассортимент строительных магазинов стал ему известен ещё больше, однако функцию этого блока он не мог угадать.

«Подставка под... Скамейка для... Если бы я увидел его с другой стороны, то до меня бы дошло его назначение», — подумал Феликс.

Предмет явно не вписывался в своё окружение и казался инородным объектом, попавшим сюда при неизвестных обстоятельствах. Казалось, скучнее вещи, чем бетонный блок прямоугольной формы, нельзя было найти на Земле, однако непонятным образом он приковал его внимание и Феликс смотрел на него пристально, не отрывая взгляд, словно на сеансе гипноза.

— Ты мечтаешь о ещё одном панкейке? — неожиданно произнёс голос за его спиной.

На террасе появилась Вероника. Она взяла с собой чашку кофе без сахара, которая являлась единственной составляющей её завтрака. Как большинство женщин, родивших детей и приближающихся к пятидесятой отметке в своей жизни, она не приветствовала дополнитель-

ные килограммы в своём весе и сверхлёгкий завтрак без отяжеляющих существование панкейков был одной из традиций, которых она придерживалась.

Она поставила перед Феликсом ещё одно блюдо с подрумяненными грешниками мучного происхождения и заняла место рядом с ним за столиком. Завтрак по выходным на свежем воздухе был ещё одной традицией, внедрённой Вероникой в их семейный образ жизни.

— Ты же знаешь, Ники, я не могу без них жить, — соврал Феликс.

— Ты тоже знаешь, что я знаю, когда ты говоришь правду, а когда просто врёшь.

«Врёшь?» — Феликс чуть не подавился панкейком.

Это новое веяние в характере своей жены немного покорило его. Некоторые словесные определения Вероники потеряли какую-либо градацию и высказывались только в экстремальной форме, словно удар топора, немилосердно обрушиваясь на собеседника.

— Ты встала сегодня так рано, — решил он сменить тему.

— Мы забыли вчера опустить жалюзи...

— И тебя разбудили первые петухи?

— Ну, почти так, — ответила Вероника. — У тебя не болит голова после красного вина?

— Нет. А у тебя?

— Немного. А может быть, это магнитные бури?

— Я думаю, бурей был вчера твой брат.

Феликс снова хитро улыбнулся во весь рот и Вероника утвердительно захихикала, вспомнив подробности вчерашнего вечера, когда их навестили Хельмут и Мэй. Они жили на другом краю города Времен в районе, называемом Lilienthal, и иногда устраивали спонтанные визиты, заканчивающиеся вплоть до поздней ночи.

Хельмут обычно знал возможности своего организма при употреблении алкогольных напитков, однако вчера вечером у него словно снесло крышу. Он был безудержно весел, рассказывал один за другим пошлые анекдоты, требовал постоянно музыку и рвался танцевать. Было впечатление, что он находился не только под действием алкоголя, но ещё и употребил какую-то дурманяще-веселительную субстанцию. Под конец он выдал в подробностях, как познакомился с Мэй в Таиланде и безнадёжно, как казалось ему, ухаживал за ней в течении всего отпуска. Бедной женщине только и оставалось, что смущаться и краснеть в попытке остановить словесный поток, вырывающийся из уст её мужчины.

Вероника собрала посуду и вернулась в дом. Феликс встал, собравшись последовать за ней, и снова кинул взгляд на соседский участок. Бетонный блок по-прежнему находился в его поле зрения, не собираясь выдавать тайну своего предназначения. Однако теперь он находился не рядом с садовым домиком, а переместился от него примерно на десяток метров, спрятавшись наполовину за невысокую ёлку.

Феликс, не веря своим глазам, снова опустился за стол и буравил взглядом следующие полчаса таинственный предмет в надежде поймать момент, когда он снова решит поменять своё положение. Безразлично, каким образом. Однако ничего не произошло.

Весь этот день он то и дело проходил мимо окон и бросал пристальный взгляд на соседский участок, но ничего необычного больше не заметил. Ночью ему приснился тёмно-серый каменный блок. Феликс снова находился перед домом и неизвестного предназначения предмет лежал прямо перед ним, не собираясь исчезнуть. На одной из его сторон вдоль абсолютно ровных граней были изображены ряды неизвестных ему символов, состоящих из штрихов и точек. Это не был арабский шрифт, японские иероглифы, послание древних египтян или азбука Морзе. Феликс нагнулся к блоку и хотел дотронуться до него, но тот внезапно взмыл в воздух и завис на высоте полуметра. Некоторое время он парил, лишь изредка меняя положение, словно реагировал на невидимые воздушные потоки. Затем блок начал медленно вращаться вокруг своей оси, постепенно увеличивая скорость. Когда вращение стало настолько быстрым,

что прямоугольные грани расплылись и Феликс мог видеть только тёмный вибрирующий диск, блок, словно ракета, рванул ввысь и мгновенно исчез из вида.

Проснувшись утром Феликс в первую очередь босиком подошёл к окну и, протерев глаза, уставился на соседский участок. Каменный блок исчез.

Глава 2

Усталый взгляд Феликса скользил вдоль потока автомобилей, медленно ползущих через Клубничный мост. Официально он назывался Karl-Carstens-Brücke в честь пятого федерального президента Германии, однако все жители предпочитали называть его клубничным. Мост соединял два района — Habenhausen и Hastedt и позволял в послевоенные годы трудолюбивым представительницам женского пола доставлять клубнику в плетённых корзинках на городской рынок. С тех пор его и прозвали «Клубничным».

Транспортный поток двигалась по-прежнему медленно, потому что на перекрёстке, находящемся впереди Феликса, дополнительные полосы были закрыты из-за ремонтных работ. Внизу под мостом лениво протекал Weser, завлекая остановиться посреди дороги, бросить душный салон автомобиля, спуститься вниз и окунуться в его прохладной мутной воде. Словно предупреждая, что это была бы очень плохая мысль, под мостом проплыл патрульный катер водной полиции, оставив за собой шлейф пенящейся воды.

Хотя он направлялся домой, голова Феликса была всё ещё забита проблемами, досаждающими ему на работе и коварное чувство неудовлетворённости незаметно подкралось к нему сзади. Его профессиональная жизнь застыла на месте и не двигалась, словно сломанный автомобиль. Вот уже десять лет Феликс являлся начальником филиала продуктового Lidl¹ и был готов занять следующий пост вверх по карьерной лестнице. Однако начальство не хотело даже и слышать об этом. Мимо него наверх продвигались люди, не имеющие ни опыта работы, ни таланта управления торговыми организациями. Люди, которые не любили свою работу и отдавали безмозглые указания, которых все филиалы Lidl должны были придерживаться. Он же по-прежнему оставался усердным руководителем филиала и не больше.

Автомобиль Феликса наконец-то добрался до перекрёстка, оставил за собой злосчастный светофор и движение начало убыстряться. По радио Energie отгремела роковая композиция в исполнении Scorpions и начали передавать новости региона.

— Пропал ребёнок, — сообщил ведущий в эфире.

Шаловливые нотки не задумывающегося о будущем подростка исчезли из его голоса и ему на смену пришёл подавленный тон взрослого мужчины, имеющего за плечами минимум один развод и обязанность содержать со своей мизерной зарплаты бывшую жену и двоих детей подросткового возраста.

— Это произошло в районе Borgfeld² два дня назад. Пропала девочка пятнадцати лет по имени Кристина. Стройного телосложения, закрученные локонами волосы медно-коричневого цвета, карие глаза, над левой бровью небольшое родимое пятно. Последний раз её видели в жёлтой футболке с надписью «World is yours», голубых джинсах и белых кроссовках Nike. При себе она имела серый в клетку рюкзак. Она ушла утром в школу и не вернулась домой. Полиция просит всех, кто видел подростка, подходящего под это описание, немедленно сообщить об этом.

— Сотрудники полиции отрабатывают в том числе и версию насильственного похищения девочки. Они уже начали прочёсывать лесной массив, прилегающий к окраинам Borgfeld. Однако пока без каких-либо результатов.

«У таких историй всегда один и тот же конец», — подумал вздохнув Феликс.

Он хотел бы верить, что ребёнка найдут, однако частые сообщения о пропавших, которые так и не были найдены, подтверждало его убеждение.

¹ дискаунтер, магазин с широким ассортиментом товаров

² небольшой город в 20км от города Bremen.

Мысли Феликса снова сделали скачок во времени и вернулись к пропавшему каменному блоку в огороде соседа. Адекватное объяснение этому феномену так и не сформировалось в его голове. Он бы ни за что не поверил в это, если бы сам не был свидетелем магического перемещения, а затем и исчезновения этого странного предмета.

«Если это не сверхъестественная аномалия, — думал он, — значит это плод моего воображения. Я только вообразил это... Но почему я это сделал? Что-то не в порядке с моей головой? Тумор?!»

Последнее звучало, как смертельный приговор. Это страшное слово — тумор. Оно было похоже на имя злого и могущественного колдуна пенсионного возраста с кривыми острыми зубами и злой усмешкой. Он живёт в роскошном чёрном замке на высокой скале и не сможет успокоиться, пока не сведёт его, Феликса, в могилу.

«Старый паразит!» — ругнулся он.

Организм уже давно напоминал ему, что молодость давно исчезла за горизонтом временной оси его возраста, и ему предстоит не самая лучшая половина жизни в плане здоровья.

«Да какая там половина! Дай бог, до восьмидесяти дотянуть... А может быть до девяноста?»

Тот запас энергии, которым он обладал в молодости, иссяк за прошедшие десять-двадцать лет, словно пересохший водоём на участке соседа. Мышцы стонали, когда он вставал после долгого сидения с дивана, а подъём на третий-четвёртый этаж без лифта приводил их просто в бешенство и они сообщали об этом тупой болью.

Вообще-то в его плане, а у Феликса на всё был план, стояло достижение столетней отметки. Он удручённо усмехнулся, представив себя самого столетним стариком, маленьким высохшим существом с коричневыми пятнами на коже.

«Тумор? Однако у меня нет головных болей...»

Во время обеденной паузы на работе Феликс уже просмотрел различные ссылки в интернете, от чего могут возникнуть галлюцинации, однако для его образа жизни ничего не подходило. Он не употреблял наркотики и не пользовался дурманыщим кальяном. Алкоголь употреблялся, но редко и всегда в меру. Феликс не мог вспомнить в своей жизни ни единого случая, когда бы он напивался до бесчувствия. Его внутренний тормоз, запрограммированный природой в форме слабого желудка, всегда включался своевременно и не давал отравить мозги.

«Ну, тогда либо я псих, либо у меня стресс, — подвёл мысленно итог Феликс. — И я предпочёл бы конечно последнее... Значит у меня стресс».

Поток его мыслей совершил громадный круг и вернулся снова к работе, однако к счастью он уже подъехал к дому и чувство неудовлетворённости осталось за бортом его сознания.

После сытного ужина, приготовленного Вероникой...

«Что бы я делал без неё?!»

...сегодняшний план предусматривал стрижку травы. Вероника уже раз напомнила ему об этом и, чтобы избежать повторного напоминания, он выбрал этот день. Из огородного домика Феликс вытащил выдавшую лучшие времена жёлтую газонокосилку Turbolux неизвестного никому производителя Fleurette и установил её на стартовую позицию в левый, ближний к дому угол зелёного участка. Косилка была произведена в те годы, когда известное всем немецкое качество продуктов ещё имело место быть, работала без перебоев и не собиралась умирать.

«Похоже она хочет побить мой запланированный рекорд долголетия и пережить меня», — размышлял Феликс.

Заглушив мелодичное пение птиц, мотор косилки загудел и Феликс начал вырисовывать параллельные линии на огороде, разворачиваясь каждый раз, когда он достигал одного из краёв участка. Воздух сразу же наполнился свежестью запаха срезанной травы, вытеснив пресные ароматы рабочего дня.

В какой-то момент Феликс почувствовал, что за ним кто-то наблюдает, оторвал взгляд от косилки и увидел за заборчиком соседского участка одиноко стоящего мужчину пожилого возраста. Очевидно, это был владелец участка. Он смотрел на Феликса и всем своим видом показывал, что хотел бы поприветствовать соседа напротив.

Поравнявшись с ним, Феликс отпустил предохранительную дугу на ручке косилки и она, подавившись комками травы, недовольно заглохла.

— Добрый день, — произнёс Феликс первым. — Мы живём здесь уже три года, но как-то не было случая познакомиться. Меня зовут Феликс.

— Дитер, — представился пожилой мужчина.

Открытый с залысинами лоб соседа был увековечен не только продольными морщинами, но и двумя поперечными, исходящими от переносицы. Седина полностью захватила контроль над его головой и окрасила редкие волосы и усы, плавно переходящие в ухоженную короткую бородку. Летнее солнце не успело придать его коже коричневый оттенок и Феликс сделал вывод, что он, вероятно, не относился к числу людей, которые любят поджаривать своё тело под яркими солнечными лучами и входить в группу риска по раку кожи.

— Я живу здесь уже тридцать лет, — продолжил сосед, — и был знаком с предыдущим владельцем этого дома. Однако, не могу утверждать, что это знакомство было одним из приятных.

— Да, — подтвердил Феликс. — Соседка справа рассказывала мне, что как-то он залез на её участок и спилил дерево, которое ему якобы мешало. Жёну бывшего владельца я видел только один раз у нотариуса при оформлении продажи. Соседка сказала, что в прошлом году она умерла.

— Я слышал об этом, — подтвердил Дитер. — Моя жена тоже оставила этот бранный мир. Теперь я пребываю здесь один. Только дети иногда навещают меня.

— Мне очень жаль, — произнёс с соболезнованием Феликс.

— Ничто не вечно на Земле.

В словах Дитера не слышалось ни капли депрессивной нотки. Скорее наоборот, это звучало, как приговор для всех остальных, исключая его самого.

«Дитер явно собрался пережить меня и мою газонокосилку», — подумал Феликс.

— А я вот, наконец-то решил навести порядок на участке, — продолжил сосед, указывая взглядом на расчищенный от диких кустарников огород. — В последний год немного приболел и запустил хозяйство. Вы наверное подумали, ваш новый сосед тунеядец...

«Скорее маг и волшебник», — подумал Феликс.

— Ах, нет-нет. Всё было не так уж страшно.

— Я думаю, вы говорите это из вежливости, — проговорил улыбнувшись Дитер. — Вы следите за вашим участком. Зелень подстрижена, сорняки выдраны, на террасе порядок. Именно так собственный огород и должен выглядеть.

— Честно говоря, это не моя заслуга. Садам в большей степени занимается моя жена, Вероника. Я только чётко следую указаниям моего командира, — ответил полушутя Феликс, бросив короткий взгляд на окна своего дома.

— Ну хорошо, тогда передавайте привет вашей супруге. Не буду вас дольше отвлекать.

С этими словами он отправился к себе в дом. У Феликса вертелся на языке вопрос о магическом каменном блоке, однако он постеснялся его задать. Вместо этого он представил себе, что когда-нибудь и он будет седым и морщинистым и заведёт от скуки разговор с новым соседом. С этими мыслями он снова включил газонокосилку и продолжил нарезать ровные полосы на своём участке.

Вечер наступил быстро. Вероника просмотрела последние телевизионные сплетни об известных певцах, артистах и просто миллионерах, получивших свой капитал неизвестным

путём, и, позабыв о супружеском долге, отправилась спать. С какого-то момента жизни и, возможно, под действием двухразового перевода времени в году на один час её организм совершенно запутался и требовал больше сна. Кроме того, ночные смены в больнице, где Вероника работала медсестрой, тоже требовали компенсации и принуждали её раньше идти спать.

Феликса спать не тянуло и он, всё ещё терзаемый любопытством, отбросил свои комплексы порядочности и поднялся на второй этаж. Открыв настежь окно, он, чтобы его никто не заметил, расположил трубу телескопа в глубине комнаты и направил линзы на соседский огород.

Полная Луна вышла из-за туч и покрыла всё вокруг призрачной серебристой вуалью. Дом и его окружение через окуляр телескопа приблизились настолько, что казалось, можно дотронуться до них рукой. Медленно вращая регулировочные ручки монтировки, он медленно осматривал территорию участка и дом Дитера. В окнах нижнего этажа горел свет и этого освещения было достаточно, чтобы разглядеть покрытые красным клинкером стены. Какого-либо прожектора с датчиком движения, монтированных на стену дома, Феликс не обнаружил.

В одной из комнат занавески были открыты и он мог видеть край белого серванта, заполненного стеклянными фужерами, часть отделанного красным клинкером камина, большие деревянные часы с маятником и большую фотографию Дитера с его женой в рамке на стене. На диване перед телевизором, экран которого постоянно менял цвета, занимал место сам хозяин дома. Какую именно передачу он смотрел, было невидно, однако она явно завлекла всё его внимание, потому что его глаза были широко открыты, кожа лица побледнела и сам он сидел абсолютно неподвижно, словно это был не Дитер, а его восковая копия. У Феликса пробежали мурашки по коже:

«А вдруг, его сковал инсульт?»

В этот момент кто-то прошёл по комнате и поднялся на второй этаж. Это произошло так неожиданно, что Феликс не успел рассмотреть, кто это был. Он заметил только, что что-то светлое промелькнуло мимо Дитера.

«Может это кто-то из его детей?» — подумал он.

Балконная дверь по-прежнему тёмной комнаты распахнулась и Феликс, оторвав взгляд от окуляра, увидел женщину с длинными растрёпанными белыми волосами, отражающими серебром в лунном свете. Женщина была одета в ночную рубашку белого цвета с небольшим вырезом у шеи. Это одеяние касалось пола и полностью скрывало её фигуру.

Феликс навёл линзы на её лицо и в глаза ему бросились впавшие щёки, заметно выделяющие большой нос и выдающийся вперёд подбородок. Бледная морщинистая кожа отдавала почти серым оттенком и казалась шероховатой, как наждачная бумага. Феликс сразу узнал в ней женщину на фотографии на стене в зале и его охватила паника, однако он словно примёрз к окуляру и не мог оторвать от неё взгляд. Радужная оболочка её глаз имела светло-голубой оттенок, который почти сливался с белком и, казалось, глаза не имеют роговицы, а состоят из белка и маленького чёрного зрачка посередине.

Женщина стояла неподвижно, упираясь ладонями о перила, и, словно загипнотизированная, смотрела на полную луну. Её глаза были широко открыты, не моргали и Феликсу казалось, что она была словно связана с белым шаром на небе невидимым каналом, заканчивающимся в её чёрных зрачках.

Припав к окуляру и не в состоянии оторваться от телескопа, Феликс, словно замороженный, наблюдал за незнакомкой, пока его глаза не устали и не потребовали паузу. Оторвав свой блик, он увидел, что Дитер стоит перед окном нижнего этажа и недовольно смотрит в его направлении. Феликс обомлел от неожиданности и быстро присел на корточки. На его лбу выступил пот и сердце учащённо забилося в груди, словно отбойный молот в руках строителя.

«Это невозможно, чтобы он меня увидел! — в смятении подумал он. — Разве что, он обладает талантом инфракрасной камеры и может видеть в темноте?»

Однако спустя мгновение он понял, как это случилось. Он забыл выключить поисковый лазер для точной наводки телескопа и красное пятно всё это время гуляло по стенам и комнатам соседского дома.

«Идиот!» — обозвал себя Феликс.

Просидев на корточках минут пять, он осторожно приподнял голову и посмотрел на соседский дом. Балконная дверь была закрыта, женщина исчезла. Свет на нижнем этаже был потушен, но Феликсу показалось, что дом своими тёмными окнами осуждающе смотрит на него. Он быстро опустил голову и, пригнувшись, как солдат в окопе под вражеским обстрелом, покинул второй этаж. Пройдя по коридору он очутился в спасительной спальне, где уткнувшись в своё одеяло тихо посапывала Вероника. Не долго думая, он, подобно провинившемуся школьнику, быстро разделся, залез в прохладную постель и накрылся с головой, чтобы оградить себя от сердитого взгляда соседского дома. Дома или его хозяина? Феликсу было всё равно. Он подсматривал за соседом, тот поймал его с поличным и ему было стыдно.

«Вот до чего доводит безмерное любопытство», — ругал он себя.

Постепенно Феликс согрелся, круговорот мыслей в его голове замер и он заснул крепким сном, который никто не нарушил до утра.

Глава 3

Рабочий день Феликса прошёл без происшествий. Разве что, не появился на работу один из работников склада. Попытка дозвониться до него также не увенчалась успехом. Его коллега был в отпуске и на данный момент отдыхал в Испании. После обеда, а не с утра, как это планировалось, прибыла паллета овощей. Почему не с утра? Потому что фура, доставившая её, застряла в автомобильной пробке.

— Ну что же, Хайди, — обратился Феликс к оставшейся в его распоряжении работнице магазина, которую ему пришлось взять с кассы, и оставить всего лишь одну сотрудницу обсервировать покупателей. — Если эти овощи сегодня не попадут в магазин, завтра их останется только выкинуть на помойку.

— Да, шеф, — коротко сформулировала она понимание ситуации.

Тёмнокожей Хайди было только восемнадцать и она представляла собой маленькую хрупкую девушку, а посему Феликс понял, что основную часть товара ему придётся перекладывать самому.

Чувство стыда за вчерашний вечер приняло вид непонятного размытого пятна в его сознании и, снова прогнав произошедшее мысленно в деталях, Феликс понял, что факт его разоблачения, это только плод его собственной фантазии. Никто его за руку не поймал и значит... его совесть чиста. Однако образ женщины со страшным лицом, которая, словно гипнотизированная, смотрела на Луну, и Дитер, сидящий на диване с приступом инсульта, до сих пор стояли у него перед глазами.

«Так что же произошло вчера? — пытался понять Феликс. — А может быть ничего не произошло? Ну вышла женщина подышать свежим воздухом. А Дитер в этот момент смотрел... новости. От того, что происходит в мире, у кого угодно глаза на лоб полезут. А, кстати, кто эта женщина? Для дочери она выглядела слишком старо. Жена? ... В привидений я вроде бы не верю. Или?»

Ещё когда Феликс был подростком, кто-то из его друзей сообщил ему, что долго смотреть на Луну нельзя, иначе умрёшь. Или случится что-то очень плохое. Эту информацию он принял за чистую монету и верил ей... пока не забыл... однако теперь вспомнил, достав её из далёкого запылённого угла своего подсознания. Однако те же самые друзья утверждали, что нельзя есть кисель в виде порошка, иначе слипнется попа. А как можно жить со слипшейся задницей? В туалет уже не сходишь...

«Какие зловредные были у меня друзья», — подумал Феликс. — И какой доверчивый был я».

Вместо того, чтобы заехать на свою улицу, Феликс двинулся до следующего перекрёстка и только тогда повернул направо. На этой улице находился дом Дитера, выходя на неё главным входом. Феликс представил себе, что он оставил своё брентное тело и смотрит на себя со стороны.

«Для чего ты всё это делаешь?» — спросил он сам себя.

Как в ответ на свой вопрос, в голове появились образы магического камня и женщины-призрака.

Последняя, не особенно удавшаяся попытка Феликса проследить за соседским участком при помощи телескопа навела его на мысль, что не стоит мозолить глаза соседу и шляться перед его забором. Сбавив скорость до шаговой, он опустил дверное стекло с правой стороны и упёр свой смартфон в подбородок, словно был задумавшийся водитель, заблудившийся в неизвестном ему районе. Камера смартфона, заранее включённая Феликсом на серийную съёмку фотографий, трудолюбиво записывала проплывающий мимо пейзаж. Показавшийся дом с крас-

ным клинкером и обросшей мхом черепицей, заставил пульс Феликса заметно участиться. Несколько секунд спустя, он миновал участок Дитера и наигранная задумчивость сразу исчезла с его лица. Феликс, сделав небольшой круг, снова вывернул на свою улицу, а спустя минуту, очутился перед собственным домом.

— Агент Ф завершил свою миссию успешно, — прокомментировал он вслух свою поездку и вышел из машины.

Рабочая смена Вероники заканчивалась сегодня поздно и, быстро проглотив остатки вчерашнего обеда, Феликс устроился перед домашним компьютером, чтобы рассмотреть сделанные тайком фотографии.

Примерно в середине серии он наконец-то нашёл нужный дом. Местами облезший металлический забор отделял главный вход от проезжей части улицы. За забором была видна вымощенная дорожка, за которой располагалась небольшая клумба с кустом рододендрона, усыпанного светло-фиолетовыми бутонами. За кустом виднелись ступеньки лестницы, ведущей к массивной входной двери, около которой находился горшок с пушистым зелёным кустом.

Однако самая главная деталь для Феликса находилась на самом заборе — почтовый ящик с номером дома и именем владельца. Номер дома двадцать шесть был выгравирован большими золотистыми цифрами. Увеличив изображение почтового ящика, Феликс прочитал фамилию Дитера — Шнайдер.

— Так, господин Дитер Шнайдер. Добро пожаловать в сыскное бюро агента Ф, — пробурчал Феликс себе под нос и ввёл имя в поисковом поле Internet Browser³. Компьютерная программа не долго думая выдала сотню фотографий Дитеров Шнайдер всех времён и народов. Это были старые чёрно-белые и довольно новые цветные фото. На них были изображены Дитеры в возрасте от десяти до девяноста девяти лет. Спортсмены, писатели, скотники, строители, капитаны, скалолазы и просто дети. Однако своего соседа Феликс не увидел и близко. Кроме того в этом ряду стояли фотографии режиссёра Дэна Шнайдера, теннисистки Дианы Шнайдер и героя мультфильмов Шнаудера. Каким образом последний затесался в ряды Шнайдеров, было Феликсу непонятно.

«Да ... — почесал он затылок. — Так просто это не получится».

Феликс ещё раз внимательно посмотрел на снимок почтового ящика и увидел в круглой полости для рекламы край свёрнутого цилиндром журнала с голубым крестом.

«Покажи мне свой почтовый ящик и я скажу тебе, кто ты», — подумал Феликс.

Он быстро дополнил поисковый критерий словами «врач» и «Bremen» после чего browser выдал значительно меньшее число фотографий, причём основная часть персон была одета в белые медицинские халаты. Полистав их дальше вниз, Феликс широко открыл глаза и замер. На одном из снимков он обнаружил врача, чем-то напоминающего Дитера. Мужчина сорока лет в белом халате был увековечен в кругу своих коллег. На его лбу отсутствовали морщины и тёмная, нетронутая сединой шевелюра волос украшала голову. Борода и усы отсутствовали, однако прищуренные в улыбке глаза и крупный слегка загнутый вниз нос уверяли Феликса, что он нашёл Дитера в молодости.

«Руководящее звено психиатрического отделения клиники St. Johannes-Stift» значилось в описании снимка. Перейдя по ссылке, Феликс очутился на личной интернет-странице Ханесса Вернера, одного из коллег Дитера. Именно здесь в коротеньком блоге о себе и своих коллегах Ханесс упоминал имя Дитера Шнайдера.

Не найдя ничего особенного, что бы хоть как-то проливало свет на произошедшие события, Феликс выключил компьютер и решил дожидаться Веронику внизу перед телевизором. Проходя мимо окна, он вновь бросил взгляд в сторону соседского дома и опять почувствовал, что дом наблюдает за ним.

³ программа для просмотра страниц в интернете.

— Свет погашен, машины нет. Это значит, что никого нет дома... Или? — спросил Феликс сам себя вслух.

С какого-то времени он заметил за собой эту странную особенность разговаривать сам с собой вслух, если он находился один дома. Возможно, он делал бы это и в присутствии других людей, но со стороны это бы выглядело ненормально и немного дико.

«Наверное, окружающие бы подумали, что я псих», — подумал Феликс.

Усевшись на диван, он включил телевизор и попал на рекламу женской краски для волос, в которой участвовал певец недавно ещё знаменитой музыкальной группы. Быстро переключив на следующий канал, словно боясь, что мода менять пол может коснуться и его, Феликс попал на передачу последних новостей. Молодая репортёрша лет тридцати, а теперь все, кто был моложе пятидесяти, был для Феликса молодым, стояла перед домом пропавшей Кристины на окраине Borgfeld и сообщала текущую ситуацию в этом деле. Одной рукой она держала серый микрофон с названием канала «RTL», а другой нервно поправляла выкрашенные в яркий рыжий цвет волосы, постоянно улетающие от лёгкого ветра ей на лицо.

— Поиски пропавшей Кристины, — сообщала она, — длятся уже целую неделю и пока не увенчались успехом. За это время были прочёсаны окрестности Borgfeld и примыкающий к нему лесной массив. Со стороны населения поступили сообщения, что девочку видели неподалёку от заправочной станции вблизи магазина REWE⁴, однако в итоге оказалось, что эта информация ошибочна и речь шла о совсем другом подростке.

Слова репортёрши вылетали в сторону микрофона со скоростью сто слов в секунду, но тем ни менее были ясны и понятны. Феликсу было ясно, что телевизионное время стоит денег, но когда ведущие входили в роль пулемёта, выплёвывающего в зрителя слова, ему это казалось немного чрезмерным.

В левой части экрана появилось фото подростка. На ней Кристина была одета в лёгкое светло-фиолетовое платье с открытыми плечами, за счёт которого она выглядела намного старше своих лет. На её лице играла милая улыбка, демонстрирующая красивые белые зубы. Приветливый взгляд девочки излучал здоровье, молодость и абсолютное отсутствие предвидения трагедии, которая должна была приключиться с ней в будущем.

— На данный момент следователь, ведущий это дело, лейтенант полиции Мекендорф, — продолжал строчить информационный пулемёт, — находится за дверью этого дома, где проживают родители Кристины.

Оператор ввёл дверь в кадр и приблизил её, чтобы простому зрителю было ясно, о какой двери идёт речь. Дверь была выполнена из дерева, отлакированного в тёмный тон, и имела посередине длинный узкий застеклённый проём. В следующий момент теперь уже знаменитая на всю Германию дверь отварила и выпустила наружу мужчину средних лет в полицейской форме. На его лице было написано, что он только что имел неприятный разговор с родственниками девочки и теперь эта ситуация усугублялась тем, что ему придётся всё это ещё раз повторить на камеру и подтвердить, что полиция к сожалению не всесильна и расследованиям не всегда сопутствует успех. Как бы ему этого ни хотелось.

Словно ужаленная, репортёрша подлетела к следователю, когда он только пересёк калитку дома, и открыла словесную стрельбу по удручённому полицейскому.

— Лейтенант, прошла уже целая неделя и девочка до сих пор не найдена. Как вы можете объяснить это? Есть у следствия новые версии исчезновения подростка?

— На данный момент я не могу сообщить вам ничего нового. Поиск в районе Borgfeld произведён, но мы не нашли Кристину. Мы преследуем два новых сообщения от населения. Это пока всё.

— Я понимаю вас правильно: поисковая группа прекращает прочёсывать район Borgfeld?

⁴ продуктовый дискаунтер

— Да. Работа проделана, но она не принесла положительного результата.

— Лейтенант...

— Извините, на этом всё.

Следователю удалось оторваться от назойливой дамы и скрыться за дверью ждущего его полицейского автомобиля. В следующий момент машина тронулась и спасла его от каверзных вопросов всезнающей прессы. Недовольная репортёрша снова единолично завладела вниманием зрителей и сообщила то, что по сути знали уже все:

— Криминогенная обстановка в городе Времен и его районах значительно ухудшилась за последние несколько лет. Почти каждый день поступают сообщения об исчезновении людей, а общее число пропавших только за этот год достигло невероятной цифры тысяча триста восемьдесят шесть человек...

Репортаж о пропавшей девочке закончился и ведущая начала рассказывать о событиях на всегда беспокойном ближнем востоке. Феликс заметил, что его глаза потяжелели и он начинает засыпать перед включённым телевизором.

Внезапно перед ним появился белый холодный глаз с чёрным зрачком посередине. Роговица светлого цвета почти слилась с белком и глаз напоминал варённое яйцо с чёрным отверстием в центре. Зрачок выглядел, как чёрный канал, из которого вот-вот должно было появиться что-то ужасное. В глубине этого канала что-то моргнуло и Феликс вздрогнул от неожиданности.

Проснувшись, он увидел перед собой лицо Вероники, которая склонилась над ним и смотрела на него чёрными зрачками абсолютно белых глаз. Феликс вскрикнул и в ужасе забился в угол дивана. Вероника, опешив, застыла над ним и раздражённым голосом спросила:

— Что с тобой, Феликс?!

— Извини... В один момент мне показалось, что у тебя что-то с глазами.

— Нежели я выгляжу так страшно, — попыталась она пошутить, хотя после вечерней смены и не была на это расположена. — Когда-то давно ты говорил, какие красивые у меня глаза. Может ты мне врал?

Глаза у Вероники были светло-зелёного цвета и сегодня излучали холод антарктического айсберга. Феликс не считал свою жену красавицей, однако очень интересной на лицо. Какая-то неуловимая черта чего-то детского присутствовала в нём. Особенно, когда она улыбалась. Эта черта осталась в ней и спустя много лет, однако улыбаться она стала меньше, а точнее говоря перестала вообще.

«Когда-то, лет двадцать назад, всё было по-другому. Неужели причина этого я?» — подумал он.

— Извини, что тебя напугала, — недовольно сказала Вероника. — Ты опять заснул перед телевизором.

Проснувшись среди ночи, Феликс понял, что ему нужно в туалет. Последние годы он вставал ночью регулярно, но не больше двух раз. Медицина информировала по этому поводу, что до двух раз — это не страшно и не означает, что у вас рак простаты, но если эта традиция участится, то нужно обращаться к врачам.

Осторожно, чтобы не разбудить жену, он поднялся с кровати и направился в коридор. В его дальнем конце располагался гардероб и Феликс, проходя мимо, старался туда не смотреть. В темноте ему часто казалось, что что-то живое отделяется от висящих курток и исчезает в направлении зала. Сегодня он бросил взгляд на гардероб и... не обнаружил ничего. Зайдя в туалетную комнату Феликс освободил организм от лишней жидкости и уже был на обратном пути своего традиционного круиза, как его сонный взгляд упал ненароком на зеркальный ящик над умывальником. Сердце на секунду замерло у него в груди, словно его ударило током, когда вместо своего собственного отражения он увидел лицо страшной женщины с длинными рас-

трёпанными волосами. В темноте он мог различить чрезмерно выдающийся нос, подбородок и белки глаз, которые словно два засохших белых пятна прилипли к его зеркалу.

В следующий момент остановившееся дыхание снова вернулось к Феликсу и из зеркала на него уже смотрел его собственный образ. Сонное состояние моментально выветрилось из его сознания и он стоял ещё минут пять перед зеркалом не в состоянии что-либо предпринять.

Окончательно придя в себя, Феликс двинулся назад в спальню, избегая бросить взгляд в сторону гардероба, чтобы не увидеть ещё и там что-то устрашающее. По пути стукнувшись ногой о край кровати, он скривился от боли, но не произнёс ни звука и благополучно добрался до постели. Тихо посапывающая Вероника сразу затихла и перевернулась на другой бок спиной к Феликсу, сигнализируя, что он её опять разбудил своими ночными похождениями в туалет и завтра получит за это выговор. На что Феликс постарается не реагировать и промолчит в меру своей с годами натренированной выдержки.

Глава 4

Дикий крик пронзил барабанные перепонки и разбудил Кристину. В первый момент ей было непонятно, что это за крик и кто его производит, человек или животное. Звук был похож на пение сумасшедшего кита под смех окруживших его пьяных русалок. Она открыла глаза, чтобы определить источник шума, и увидела, что лежит на больничной кровати, отделённая синими матерчатыми перегородками от остального мира.

«Что я делаю в больнице!?» — сверкнуло молнией в её почему-то тяжёлой голове.

Однако сосредоточиться ей не удавалось, потому что кит пел или, можно было сказать, орал дальше, а русалки по-прежнему хихикали над ним. Она с трудом повернула голову к перегородке и поняла, что не в состоянии подняться с кровати и ещё меньше, встать с неё. Силы оставили Кристину, словно она после своих пятнадцати вдруг стала сто один или даже больше.

— Эй, ты! Закрой свой рот! Ты мешаешь мне думать! — прокричала она.

К удивлению Кристины шум сразу прекратился. У неё пересохло во рту и ей срочно захотелось пить. Ей захотелось пить так сильно, что за стакан минералки она была бы готова кого-нибудь убить.

— Эй, кто-нибудь! Дайте воды! — наполовину прохрипела, наполовину прокричала она снова.

На этот раз её просьбе никто не внял.

— Вот дерьмо! — ругнулась Кристи вслух. — Я же сдохну здесь без воды.

Тут она вспомнила свою бабушку, которая учила её, что грубо выражаться некрасиво и подчас глупо. Например, в той ситуации, в которой оказалась она.

— Пожалуйста, дайте мне попить, — простонала она, добавив шёпотом, — Козлы дра-ные.

Никакой реакции. Либо киты, русалки и козлы читают её мысли и ждут, что она даже в мыслях будет с ними вежлива, либо... Тут её осенило, что киты и русалки здесь такие же неподвижные особи, как она сама, и даже если бы они этого захотели, не смогут ей помочь. Но в больнице чтобы кого-то позвать, есть специальный пульт. Со стороны, куда была повернута голова Кристины, стояла белая тумбочка и высокая капельница, прозрачный шланг которой...

«Вот дерьмо!»

...вёл к её руке.

«На какую иглу меня здесь подсадили?» — подумала она удручённо.

На тумбочке пульта не наблюдалось. Усилием воли, а его у Кристины было хоть отбавляй, она повернула голову в противоположную сторону и обнаружила там только вторую перегородку.

— Ко ... — хотела она снова ругнуться, но внутренний голос, который почему-то походил на бабушкин, приказал ей остыть и сконцентрироваться. Она стала перебирать пальцами по складкам простыней, добралась до прохладного края металлической рамы кровати и попробовала нащупать что-нибудь, что походило бы на телевизионный пульт.

«Бинго!»

С левой стороны к раме кровати действительно был прикреплён пульт с выпуклыми кнопками. Ещё раз основательно ощупав свою находку, она нашла на середине пульта большую кнопку, которая и должна была являться кнопкой вызова. Сконцентрировавшись, она вдавила её и мысленно пожелала:

«Все козлы, русалки и киты идите сюда и дайте мне наконец-то попить».

Через пару минут шторка со стороны её ног отодвинулась и в проёме появилось приятное лицо молодого человека в белом халате. Длинная чёлка мелированных волос свисала элегантно

на бок, закрывая одну бровь. Серо-зелёные глаза моргнули один раз и Кристине показалось, что он мог быть старше неё не более чем лет на пять. Он вполне мог бы быть её принцем, если бы появился верхом на белом коне. Однако, конь отсутствовал.

— Что желает леди? — произнёс он с усмешкой, обнажив красивые белые зубы.

— Леди желает пить. Пожалуйста, пить.

— Сейчас сделаем.

С этими словами он исчез и, словно маг и волшебник, появился сразу, но уже с бутылкой минеральной воды и маленьким пластиковым стаканчиком.

— Только много вам нельзя, — предупредил красавчик. — Только половину стаканчика.

— Это кто сказал? — недовольно прохрипела Кристина.

— Это сказал доктор, — ответил он и, налив минералку, протянув ей.

Кристина попыталась поднять голову, но её сил хватило лишь на несколько сантиметров, после чего она обессиленно снова упала на подушку.

— Один момент.

Парень нажал на какую-то кнопку на поручне кровати со стороны ног и головная часть кровати слегка приподнялась, приведя Кристину в полу-лежачее положение. Красавчик снова протянул стакан и она смогла короткими жадными глотками осушить его содержимое.

— Что со мной произошло? — спросила Кристина.

— А вы не знаете?

— Нет, я только придируваюсь и спрашиваю, чтобы проверить тебя, — возмутилась она.

— Извините, мне это тоже неизвестно. Через полчаса делает обход дежурный врач. Спросите его.

— А что это за больница?

— St. Johannes-Stift. Реанимационное отделение.

Прихватив с собой бутылку воды, вероятно чтобы не провоцировать больную на неадекватные поступки, парень вновь исчез за ширмой. Вокруг стояла мёртвая тишина и Кристина, слегка утолив жажду, наконец-то смогла сосредоточиться. Внезапно перед её глазами предстало лицо любимой бабушки и она подумала:

«Что, если она ничего не знает? Катастрофа...»

Тишина действовала на неё усыпляюще и глаза стали медленно закрываться.

Яркий свет бьёт прямо в глаза. Судя по обстановке, она находится по-прежнему в больнице. Одновременно она знает, что спит. Это что? Сон во сне? Яркий свет исходит из мощной лампы, висящей над ней. Он ослепляет её и не даёт открыть глаза. Тем ни менее она видит всё, что происходит вокруг, как будто наблюдает это со стороны. Она лежит на столе обнажённая и вокруг стоят люди в светло-голубых халатах, шапочках и белых масках, оставляющих видимыми только глаза. У всех глаза светло-голубого оттенка под цвет халатов, словно голубые линзы также являются частью их экипировки. Ей становится стыдно, что все они одеты и она одна голая. Ну ладно, она не совсем голая. У неё на голове такая же шапочка, как и у врачей.

Слева от неё стоит ещё один операционный стол и на нём лежит обнажённая женщина с большой красивой грудью.

«Мне бы такую», — думает Кристина.

На шее женщины татуировка в форме непонятных знаков. Это иероглифы? Или что-то древнеегипетское? Татуировка исчезает под марлевой накидкой, которой прикрыта голова спящей женщины. Прозрачные трубки, по которым пульсирует тёмно-красная жидкость, словно змеи, обвивают её тело. Они выходят из невысокого устройства цилиндрической формы и заканчиваются на локтевых сгибах её рук.

Женщина лежит одна и внимание врачей, а это несомненно врачи, сконцентрировано на ней, Кристине. Один из них, вооружённый сверкающим под светом лампы скальпелем, наклоняется над её головой. Лёгким движением он проводит продольный разрез вдоль её шеи и

вводит в него непонятный ей отполированный до зеркального блеска инструмент. Слышится щелчок и её голова отделяется от шеи.

«Хорошо, что это только сон», — думает Кристина.

Она не чувствует боли, а только странное головокружение, словно всё вокруг поворачивается перед её глазами. Один из врачей берёт аккуратно её голову за виски и переносит на второй операционный стол, где лежит неизвестная женщина. Люди в халатах убирают марлевую накидку и... О ужас! ... У женщины нет головы!

Врачи ложат голову Кристины вплотную к остаткам шеи незнакомки и покрывают место соединения металлической лентой, которая, словно ожив, самостоятельно прилегает к шее. В этот момент голова Кристины открывает глаза и начинает кричать. Звук её крика чем-то напоминает пение кита...

Кристина снова проснулась от крика, который исходил из-за перегородки. Однако в её сознании не было ни капли гнева. Она была рада, что её разбудили и она покинула этот кошмарный сон. Она оглядела своё, скрытое под простынёй тело, и вздохнула облегчённо. Все его части были на месте. Она сжала пальцы рук в кулак и снова выпрямила их. Подвигала пальцами ног, наблюдая их движение под простынёй. Чувство слабости заметно ослабло и она решила попробовать привстать. Кристина поджала ноги, перевернулась на бок, приподнялась и, выпрямив колени, опустила ноги вниз. Ледяной пол обжог её ступни и одновременно придал ясности голове.

Назойливая мысль, каким образом она очутилась здесь, снова начала будоражить мозг. Последнее, что Кристина отчётливо помнила: она выехала с велосипедной стоянки около здания гимназии, пересекла Oberneulander Straße⁵, достигла Im Holze Straße, а затем... Затем она проснулась здесь. В её памяти мерещился яркий свет какой-то вспышки, однако где именно и при каких обстоятельствах, она больше не могла вспомнить.

«Может меня сбила машина?» — подумала она, пытаясь логически объяснить пребывание в больнице.

Она была одета в белую больничную пижаму с непонятным узором голубого цвета и не заметила на себе ран или ушибов, а также бинтов или пластырей, под которыми они могли быть спрятаны.

«Я абсолютно здорова! Какого чёрта я делаю в больнице? Медбрат сказал, что доктор будет делать обход... Я его, кажется, проспала. Дура!» — обругала она себя.

Кристина потеряла счёт времени и не могла понять, сколько времени прошло с момента, когда она разговаривала с медбратом. Ей опять жутко захотелось пить и, нащупав спасительный пульт на краю кровати, она снова вдавила кнопку вызова. Прошло минут пять, но никто не показывался через ширму, как это было в первый раз.

«Где эти ко...», — горела она желанием кого-нибудь обругать.

Прошло ещё пять минут и Кристина решив, что не собирается умирать от жажды, неуверенно поднялась с кровати и, опираясь о стойку капельницы, мелкими шагами двинулась в сторону ширмы. Её слегка покачивало, как канатоходца над пропастью, но она была слишком разгневана, чтобы остановиться.

Сдвинув ширму в сторону, она увидела, что находится в сравнительно просторном помещении, скудно освещённом настольной лампой на столе у входа. Помещение было по периметру разбито при помощи перегородок на отдельные комнатки. Через стенки некоторых слышался протяжный храп. На столе стояла начатая бутылка минеральной воды и чей-то стакан. Дрожащими руками открутив крышку бутылки, она наклонила её и вода с прерывистыми всплесками заполнила его почти до краёв. Осторожно поднеся стакан ко рту, она коснулась его своими пересохшими губами и жадными глотками влила в себя пузырящуюся жидкость. Соби-

⁵ название улицы

раясь снова наполнить его, она вспомнила слова медбрата, остановилась и вернула бутылку на прежнее место.

Другим источником света в помещении были электронные часы, висевшие на стене перед выходом. В полумраке они излучали ядовито-зелёный свет и показывали половину третьего ночи.

«Неудивительно, что вокруг такая тишина и никого нет. Только храпящие пациенты», — подумала Кристина.

Тут она опять вспомнила, что не сообщила бабушке, где очутилась. Оглядевшись ещё раз, она удостоверилась в отсутствии телефонного аппарата и двинулась к выходу. Нажав на освещённую кнопку на стене, Кристина заставила массивную серую дверь распахнуться и вышла в длинный хорошо освещённый коридор. Здесь тоже отсутствовал кто-либо.

— Всё население вымерло, как один, и только я осталась в живых. Я и те храпуны за перегородками, — проговорила она шёпотом.

На белой стене Кристина увидела стрелку, указывающую направление к выходу, и двинулась туда в надежде обнаружить хоть кого-то из персонала. Чем дольше она находилась в движении, тем легче ей было передвигаться. Её тело словно вышло из спячки и постепенно включало все привычные для жизни функции.

«Какую хрень они мне вкололи, что я только теперь прихожу в себя... А главное зачем? Может у меня что-то с головой?»

— Больная, что вы здесь делаете?! — внезапно прозвучал писклявый женский голос из-за её спины.

«Очевидно, я ещё не до конца в себе, если не услышала, как она ко мне подкралась», — пронеслось в голове у Кристины.

Она медленно развернулась и увидела перед собой женщину сорока лет в медицинском халате изумрудного цвета, такой же шапочке и опущенной на шею маске. Женщина толкала перед собой небольшой светлый контейнер на колёсиках. Кристина не услышала в её голосе ни одной нотки снисхождения или участия к себе, как к больному пациенту. Скорее это прозвучало, как отчитывающий тон командира к неумелому подчинённому.

— Я ищу телефон, чтобы сообщить близким, где я нахожусь, — ответила она, едва сдерживая себя, чтобы не наругать.

— Из какой вы палаты?

Кристина молча указала рукой на дверь, из которой она вышла.

— Больная, вам нельзя вставать...

— Это кто сказал?

— Это сказал доктор...

— Я хочу видеть этого доктора!

— Дежурный врач сейчас занят другими пациентами. Он зайдёт к вам позже.

— Я не хочу позже! Я хочу сейчас! Где телефон!?

Давление котла в мозгу Кристины перепрыгнуло красную метку и она готова была взорваться от злости. Видя, что медсестра на мгновение оторопела и помощи от неё не дождёшься, она молча повернулась к ней спиной и двинулась к выходу.

— Больная, вы должны вернуться в палату! — донеслось сзади.

Однако Кристина, опираясь на капельницу, неумоимо продолжала свой путь, не обращая на неё внимание. В один момент она почувствовала что-то, словно комариный укус в плечо.

«Откуда здесь комары?» — подумала она возмущённо и хлопнула себя ладонью свободной руки по подлому насекомому, однако тому уже удалось скрыться.

В следующий момент коридор перед её глазами стал расплываться, она пошатнулась и в последний миг, уже теряя сознание, ощутила, что кто-то поддержал её и не дал упасть на пол.

Глава 5

День выдался пасмурный, солнце опять скрылось в пелене серых туч и Феликсу пришлось надеть очки, потому что цифры месячного финансового отчёта перестали быть для его глаз достаточно чёткими и он боялся допустить ошибку, подсчитывая текущий баланс филиала. Вот уже лет пять, как он заметил этот очередной сбой в своём организме, обратился к окулисту и тот выписал ему очки для работы за компьютером.

Кабинет Феликса был оснащён по-спартански и только самым необходимым, поскольку представлял собой по площади скорее небольшую каморку, чем офис руководителя филиала. Необходимыми были белый угловой стол с небольшим монитором на нём и чёрный стул на колёсиках и с высокой спинкой. С другой стороны стола вдоль стены располагался стеллаж с документами, на одной из полок которого приютился старый массивный принтер марки Canon, давно уже предназначенный к утилизации. Одной стенкой стеллаж примыкал к небольшому шкафу, где Феликс хранил рабочую одежду, предназначенную для того случая, если один из его сотрудников выйдет из строя и ему придётся выполнять кроме своей и его работу. К предметам, которые переводили каморку на класс выше и давали основание называть её всё-таки кабинетом, относилась отдельная туалетная комната, находившаяся справа от стеллажа. Кроме того помещение имело большое окно с видом на дорогу, по которой сновали в двух направлениях автомобили, торопящихся куда-либо жителей города Bremen. Позади дороги Феликс мог наблюдать частные домики, построенные ещё в те времена, когда мало кто мог себе позволить возвести дом площадью больше, чем сто квадратов. Со временем их владельцы подкапывали деньги и пристраивали к домикам очередное помещение, которое с их точки зрения было необходимым, однако полностью меняло вид строения и чаще всего не в лучшую сторону.

Феликс заметил, что линзы очков он успел слегка заляпать пальцами, и снял их, чтобы протереть платком. Одновременно он снова кинул привычный взгляд в единственное окно и неприятное событие сегодняшнего утра по дороге на работу снова предстало перед его глазами.

Он останавливается на перекрёстке и бросает взгляд в зеркало заднего вида. В нём возникает другой автомобиль и лицо его водителя, занятого пробуриванием одной из ноздрей указательным пальцем. Водитель убеждён, что за этой гигиенической процедурой никто не наблюдает... На следующем перекрёстке Феликс хочет удостовериться, что господин казюля исчез, и снова смотрит в зеркало. В этот раз в нём появляется лицо женщины с посеревшим цветом кожи и страшным взглядом. Её седые волосы развеваются на ветру... которого нет. Нет, по крайней мере в салоне автомобиля. Тёмно-серые обескровленные губы двигаются, словно она разговаривает с ним. Лицо кажется ему полу-прозрачным, словно мираж, и только чёрные зрачки, как два отверстия в никуда, видны ясно и отчётливо. Через них словно бездна смотрит на него. Холодно и зловеще.

Феликс с ужасом поворачивает голову назад... Слишком энергично... Резкая боль пронзает затылок и шею. На заднем сиденье никого нет. Через заднее стекло машины он встречается взглядом с водителем сзади, который, пробуравив одну ноздрию, переходит к другой. Похоже, ему наплевать, что на него кто-то смотрит. В конце концов, он же ни где-нибудь на красной дорожке при вручении Оскара.

Нога Феликса непроизвольно соскакивает с педали сцепления, машина дёргается вперёд и, словно умирающий зверь, дрожа в агонии глохнущего мотора, замирает. Молодая водительница Mercedes с соседней полосы презрительно смотрит на него и отворачивается. Загорелся зелёный и Mercedes ускоряется, как ракета, вперёд в страхе, что эпидемия заглохшего мотора может по воздуху добраться и до него. Водитель сзади заканчивает прочистку ноздрей и вдавливает сигнал на руле, призывая Феликса побыстрее выходить из оцепенения и ехать. Что он и делает.

Эта неприятная и непонятная ситуация, как видеоролик, снова прокрутилась в его голове и оставила противный привкус приближающегося несчастья. Оставив очки не протёртыми, он встал из-за стола и вышел из кабинета. Рабочее помещение Феликса примыкало напрямую к складу и, чтобы выбраться наружу, ему было необходимо пройти до середины павильона и повернуть направо. В одном из проходов он увидел сидящую на паллете Изабэllu, копающуюся в YouTube в поиске видео, на котором она ещё не успела поставить свой короткий и свободный от здравого смысла комментарий. Небольшого роста, с короткой шеей и массивной частью тела ниже талии она казалась Феликсу похожей на озлобленного гнома. Изабэllой её называл только Феликс, для других же она была просто Изя и сегодня на ней был рабочий халат синего цвета, а голову украшала стильная дулька из рыжих волос.

— Привет, шеф, — сказала она, не поднимая глаз от экрана смартфона.

— Здравствуй, Изабэлла. Работа кипит?

— Кипит ... — прозвучало как эхо.

Феликс, уже наученный опытом общения с Изей, не ожидал продолжения разговора и, пройдя до массивной белой двери склада, выбрался наружу.

Небо до сих пор не поменяло свой цвет, однако обещанного дождя тоже не было. Свежий воздух, слегка отравленный сигаретным дымом, стоящей неподалёку Габи, и гул автомобилей вытеснили нежелательные мысли из его сознания и вернули к будничной реальности. А будничная реальность, например с точки зрения концерна Lidl, старалась не иметь ничего общего с продуктами табачных производителей. Два года назад с прилавков магазина исчезли сигареты и другие табачные изделия. Таким путём Lidl вносил свой вклад для достижения утопической цели создания некурящего общества.

Габриэлла работала у Феликса уже больше пяти лет и всё это время, сколько он имел удовольствие её знать, курила, как паровоз, и тем самым демонстративно не разделяла точку зрения концерна Lidl. Несмотря на своё пристрастие к сигаретам, она представляла собой женщину довольно пышного телосложения и имела на шее и правой руке цветные татуировки. При её виде глаза Феликса самопроизвольно опускались в область её роскошной груди, однако он моментально чувствовал себя осквернителем брака с Вероникой и переводил взгляд на её татуировки, которые представляли собой довольно сложные узоры в форме экзотических цветов и растений.

Феликс приветливо улыбнулся Габриэлле и она, сделав очередную затяжку, улыбнулась ему в ответ. При этом ему пришла в голову фраза, которую он нашёл где-то в интернете в одном из современных блогов: «Законы издаются одной частью общества, чтобы другая их нарушала».

Слева от Феликса начинался ряд припаркованных автомобилей и самым крайним был вместительный серый Opel последней марки. Его багажник был открыт и владелец автомобиля, мужчина предпенсионного возраста, только что закончил погрузку продуктов из рядом стоящей закупочной тележки. На нём была солидная полосатая рубашка, заправленная в светлые брюки, и он выглядел, как работник какого-нибудь бюро, например страхового агентства, заехавший закупиться прямо после работы.

Мужчина развернулся и поймал на себе взгляд Феликса. Тот автоматически улыбнулся ему, однако ответной улыбки в обратном направлении не последовало. Страховой агент застыл с поднятой рукой, готовый захлопнуть багажник, и с непонятной антипатией взирал на него. Феликс был уверен, что никогда прежде ему не приходилось встречать этого мужчину и соответственно иметь с ним какие-либо разногласия. Он отвёл взгляд, следуя простому принципу, не смотри в глаза бешеному слону и он тебя не покусает, и уже собирался вернуться на рабочее место, как услышал звук завывающего мотора. Серый Opel сдавал задом, выезжая с парковки, и не останавливаясь по-прежнему задом устремился в его направлении.

Феликс опешил в первую секунду, но затем понял, что страхового агента либо рехнулся, либо его нога застряла между полом и педалью газа. В любом случае если он также будет стоять на месте, Opel размажет его пятидесятилетнее тело о стену его родного магазина Lidl, независимо от того, поддерживает он намерение концерна по борьбе с курильщиками или нет. Страх придал ему нечеловеческие силы и Феликс пулей рванул к тому месту, где только что стояла курящая Габи и которое было огорожено металлическими столбиками, препятствующими проезду личного транспорта. Габи, оставив после себя ядовитый запах сигарет, уже успела исчезнуть и Феликс, достигнув столбов и обернувшись, увидел, что Opel резко затормозил, остановился и медленно двинулся вперёд к выезду с парковки, как будто ничего не произошло.

— Эй! Идиот! — закричал Феликс вне себя от гнева вдогонку удаляющемуся автомобилю.

Сердце, как молот по наковальне, стучало у него в груди и только сейчас он обратил внимание, что идущие по улице за забором Lidl прохожие косятся в его сторону и бросают испуганные взгляды. Смотрят на него... а не на уезжающий Opel с сумасшедшим страховым агентом. Феликс только и мог, что развести театрально руками, и, не понимая, что случилось с этим миром за последние пять минут, удалиться в стены родного магазина. Снова очутившись в своём кабинете, он плотно закрыл за собой дверь, плюхнулся в рабочее кресло и, опрокинув голову на его спинку, закрыл глаза. Взгляд страхового агента до сих пор стоял перед его взором. Это был взгляд арахнофоба со стажем, который увидел в Феликсе паука или какое-то другое опасное насекомое.

Феликс открыл глаза и подумал, что сегодня явно не лучший день в его жизни.

— Однако, завтрашний будет ещё хуже. Завтра ты должен на приём к шизофренологу! — сообщил он сам себе вслух.

Это решение созрело в его голове три дня назад. Внезапно он понял, что его видения мешают ему жить и дальше это не может продолжаться. Одновременно, представление, что он должен рассказывать постороннему человеку о своих личных проблемах и переживаниях, казалось ему непреодолимой задачей. Это предстоящее испытание угнетало его заранее, но другого способа, как обратиться к специалисту по лечению душ, он не видел. Записаться на приём к врачу было возможно, но только через полгода. Среди населения курсировало мнение, что в городе либо увеличилось население, либо вымирают врачи. И то и другое было возможно. Однако Феликсу повезло и он получил приём на завтра, как будто кто-то там свыше раздвинул облака и указал на него пальцем.

«Похоже, одному из пациентов так и не удастся освободить свою душу от тяжёлых прелестей жизни, потому как я унаследовал его день приёма», — подумал Феликс.

Состояние шока после попытки наезда почти улеглось и он неожиданно поймал себя на мысли, что этот случай должен быть сообщён полиции.

«Вдруг этот сумасшедший попробует задавить ещё кого-нибудь?»

Но полиции нужны доказательства... И они у него есть. По периметру магазина были установлены видеокамеры, которые работали круглосуточно. Феликс вскочил и ринулся к кабинету охраны, который находился на другой стороне здания, и самый прямой путь до него лежал через склад. Внутри него он увидел стоящую фуру, которая только что сдала задом, и водитель копошился в кабине в поисках накладной для передачи товара.

«Лучше поздно, чем никогда», — подумал Феликс, потому как по плану груз должен был появиться два часа назад.

Спустя минуту из кабины грузовика спустился низкорослый водитель с помятой бумажкой в руке. Мужчина явно не имел в этом сезоне возможности позагорать и его кожа имела болезненно белый цвет. Тёмно-синяя футболка обтягивала комок эмоций в области живота и свисала поверх спортивных брюк с тонкими лампасами. Нижнюю часть лица водителя обрамляла густая щетина, равномерно переходя через второй подбородок на шею. На вид ему было

лет сорок, но возможно полное лицо со слегка припухшими глазами делали его старше и на самом деле, он был моложе.

— Добрый день, — поздоровался Феликс, приняв из рук водителя накладную, — я руководитель этого филиала, а вы по всей видимости новенький. Я вас ещё ни разу не видел.

Ответа на его приветствие не последовало.

«Наверное, эмигрант, — предположил он. — И не говорит по-немецки».

Водитель безмолвно двинулся к задней части полуприцепа, выдвинул засовы и открыл высокие слегка покарябанные двери. Феликс кинул взгляд вовнутрь и увидел несколько паллет с напитками в прозрачных пластиковых бутылках. В паллете, стоявшей с краю, он отчётливо распознал по красной этикетке и кофейному цвету напитка, Cola Light.

— Я не вижу Sprite? — обратился Феликс к водителю.

— Он там, сзади, — ответил тот на чистом немецком без акцента.

Феликс удивился, что тот всё-таки умеет разговаривать, однако не подал виду. Он пододвинул две пустые, поставленные друг на друга паллеты и, используя их как ступеньки, забрался внутрь прицепа. При скудном освещении он различил с одной стороны друг за другом стоящие паллеты с апельсиновым соком, а с другой... прямоугольный бетонный блок. В этот момент двери прицепа с шумом захлопнулись и, проскрипев несмазанными засовами, оставили Феликса внутри в полной темноте.

— Эй! Я остался внутри! Вы закрыли меня! — прокричал Феликс, но его вопль остался проигнорированным.

— Выпустите меня сейчас же! Иначе я вызову полицию.

Он начал колотить по стенке прицепа кулаком, но и это не произвело никакого эффекта.

— Что за болван! — рявкнул Феликс.

Достав из заднего кармана брюк смартфон, он увидел, что тот потерял связь, вероятно, потому что металлические стенки прицепа препятствовали прохождению сигнала. Феликс нажал на приложение фонарика, навёл смартфон на двери и со всей силы ударил одной ногой в промежутке между ними. Удар гулким эхом отразился от дверей и, откликнувшись тупой болью в пятке, не сдвинул преграду ни на миллиметр.

«Мне нужен рычаг!» — подумал Феликс.

Он направил луч смартфона вдоль стен прицепа в надежде наткнуться на какой-либо металлический инструмент и вновь увидел перед собой магический прямоугольник блока. При слабом свете мобильного он принял тёмно-серый цвет и, похоже, не имел ничего общего с бетоном. Его безукоризненно гладкая матовая поверхность была больше похожа на металл. На стороне блока, обращённой вверх, он мог различить непонятную символику, точно такую же, как он видел во сне. Что могла обозначать надпись, было ему загадкой. Отдельные знаки не были расположены в ряды или столбцы, но определённо образовывали некую структуру, которая повторялась несколько раз.

Не задумываясь о последствиях, Феликс дотронулся кончиками пальцев до поверхности блока и, словно это был блок из льда, ощутил волну холода, прокатившуюся через всё его тело. Он сразу хотел отдернуть руку назад, но она словно онемела и мышцы ослушались его команду. В следующее мгновение холод исчез и Феликс мог внимать лишь окружающую его темноту. Внезапный яркий свет ослепил его и сознание тихо и безмолвно попрощалось с ним.

Феликс пришёл в себя, когда почувствовал, что кто-то теребит его за плечо. Открыв глаза, он увидел над собой пышную грудь Габриэллы и только затем её взволнованное лицо. Она что-то говорила, пару раз хлопнула его по щеке и продолжала тормошить за плечо, словно это был новый современный способ оказания первой медицинской помощи.

— Феликс, что с тобой!? Тебе плохо!? — наконец-то дошёл до него смысл её слов.

— Я в порядке ... — произнёс он, сообразив, что чем-то напугал свою сотрудицу.

— Может вызвать скорую?

— Нет, нет. Я действительно чувствую себя нормально.

Произнеся это, он понял, что кроме боли в пятке, действительно не имеет повода на что-либо жаловаться. Единственное, что пока не увязывалось в его сознании, почему он сидит в помещении склада на голом полу. Последнее, что он помнил, был месячный отчёт, который он готовил в своём кабинете. Каким образом он попал на склад, он не знал.

«Чудеса», — подумал Феликс угрюмо.

Опираясь на руку Габриэллы, он встал и его взгляд случайно скользнул по наручным часам. Восемь минут шестого.

— Уже конец рабочего дня? — в недоумении спросил он.

«Семнадцать ноль восемь... один плюс семь, восемь... восемь равно восемь», — под считал его мозг.

— Да, шеф. С вами точно всё в порядке? — спросила она неуверенно.

— Да, Габриэлла. Дальше я справлюсь сам, — ответил он и направился в свой кабинет, слегка прихрамывая на правую ногу.

Глава 6

Доктор Хольвег открыл анкету Феликса и надел очки с круглыми линзами, которые стали последним ингредиентом, превратившим его в представителя белой магии, подрабатывающего лишь изредка врачом. В первую очередь это впечатление создавалось благодаря крючковатому носу доктора, морщинистому лбу и толстым чёрным бровям, нависшими, словно тучи, над серыми глазами. Глубокая вертикальная складка на переносице казалась продолжением морщин и выглядела почти как рубец после аварии. Серебристая седина уже полностью заняла господство на его голове и две глубокие залысины оставили острый треугольник волос, который как указательная стрелка показывал вниз на основную достопримечательность лица — могучий нос.

Допив с наслаждением остатки своего кофе, он быстро перелистал анкету Феликса и, видимо, не найдя там ничего необычного, снял очки и обратил свой пытливый взор на нового подопечного.

— Чем я могу вам помочь господин Шмидт? — спросил доктор, в глубоко впавших глазах которого уже чувствовалась усталость к концу рабочего дня.

«Похоже, у всех нас в таком возрасте быстро пустеют аккумуляторы. У всех без исключения», — подумал Феликс, который занимал место на небольшом чёрном стуле с другой стороны простенького серого стола.

— Мне кажется, я вижу вещи, которые не существуют, — ответил Феликс.

— В вашей анкете стоит, что наркотических веществ вы не употребляете, алкоголь — только в разумной мере и шизофренией в вашей семье никто не болел, — решил ещё раз удостовериться доктор Хольвег, снова надев очки и пробежав глазами по строчкам формуляра.

Произнеся эту фразу, он вопросительно посмотрел на Феликса.

— Да. Именно так, — подтвердил тот.

— Можете вы описать, какие именно несуществующие вещи вы видите?

Серые глаза доктора, словно детекторы лжи, сфокусировались на пациенте и были готовы зарегистрировать любое изменение в мимике лица или движении рук.

— Меня преследует видение мёртвой женщины. Жены моего соседа уже нет в живых, но я видел, как она выходила ночью на балкон, словно загипнотизированная луной.

— Загипнотизированная луной? — переспросил доктор заинтересованно.

— Да. Как будто она была в трансе. Позже я видел эту же женщину в зеркале туалетной комнаты и в зеркале заднего вида моей машины. Она словно преследует меня. Я нашёл в интернете, что причиной галлюцинаций, может быть в том числе и... рак.

— Причиной, может быть, но это не означает, что он у вас обязательно есть. Галлюцинации могут быть вызваны обычным стрессом на работе. Чем вы зарабатываете свой хлеб? — поинтересовался доктор Хольвег.

— Я руковожу филиалом магазина Lidl.

— Ну вот вам и более реальная причина для ваших видений. Это единственное недомогание, которое вас мучит?

— Вчера я заметил у себя временные провалы в памяти. Я занимался отчётом в бюро, а затем внезапно оказался уже на складе. Я не помню, как я туда попал. Примерно один час моей жизни улетучился из моей памяти.

— Вы знаете, человеческий мозг — это очень сложный механизм, некоторые особенности которого до сих пор не ясны медицине. Наше сознание не всегда объективно, так как на него влияют различного рода внешние искажения. Одно из самых известных из них — ошибка подтверждения. Это когда мы отдаём предпочтение той информации, которая согла-

суется с нашим мнением, и игнорируем противоположную. Чтобы бороться с этими искажениями, нужно сначала найти их, а затем сопоставить свои убеждения с реальностью...

Увидев растерянность на лице Феликса, доктор Хольвег прервал свой монолог.

— Мы можем остановиться на следующем: вы получите от меня рецепт на медикамент, который сгладит ваш стресс на работе, а вы со своей стороны обратитесь в клинику магнитно-резонансной томографии и проверите свою голову. Через две недели мы встретимся снова и обсудим ваше состояние. Как вы на это смотрите?

«Значит док не исключает, что у меня в голове может сидеть большой и отвратительный тумор...» — подумал Феликс.

В его мыслях возникло изображение сгустка серой материи консистенции жевательной резинки, постоянно меняющей свои формы и иногда преобразующейся в голову Дитера с заплывшими глазами и ртом. Двигая челюстями в разные стороны тумор что-то хотел ему сказать, но слипшиеся губы не отделялись друг от друга, это злило его и он начинал пульсировать и видоизменяться ещё активнее.

— Да, доктор Хольвег, звучит неплохо.

Доктор устремил свой взгляд на мгновение на что-то, что находилось за спиной Феликса.

«Возможно он тоже видит вещи, которые на самом деле не существуют и в данный момент кто-то невидимый для меня, однако осязаемый для него, возник за моей спиной. Чушь! Скорее всего он смотрит на картину со странной бабочкой на стене», — подумал Феликс.

Пейзаж на холсте без рамы сразу заинтересовал его, когда он зашёл в кабинет психотерапевта. Картина была изображена в свободном от реальности гротескном стиле, переполнена яркими и почти кричащими тонами и изображала бабочку порхающую на фоне... Луны. Из головы бабочки торчали кривые несимметричные чёрные усики и цвет на холсте между ними имел холодно-голубой оттенок, как будто бабочка создавала электрические разряды и могла ударить наблюдающего картину током. Первая идея, которая Феликсу пришла в голову, говорила, что это подарок одного из пациентов доктора.

— У меня есть к вам немного неожиданное предложение, — сообщил доктор, наконец-то оторвав свой блик от опасной бабочки. — Вы сегодня последний пациент и я могу ввести вас в гипнотический сон... Возможно, вы сможете увидеть, каким образом вчера переместились из кабинета на склад. Я использую подобную практику исключительно в исследовательских целях и не требую за это гонорар. Как вы смотрите на это моё предложение?

— Я даже не знаю, что вам сказать ... — в первый момент смутился Феликс.

Его слегка покорило, что он может очутиться во власти этого неизвестного, похожего на колдуна, человека и, возможно, даже не сможет зарегистрировать это. Однако желание узнать, что произошло с ним вчера на работе, было сильнее.

— Моё предложение ничем вас не обязывает, Феликс...

— Я думаю, я хотел бы узнать, что случилось вчера со мной.

По указанию доктора Хольвега Феликс лёг на кушетку серого цвета, стоящую у стены под картиной с помешанной бабочкой, и закрыл глаза. Ему показалось, что не думать ни о чём, как попросил доктор, будет достаточно сложно для него, человека, у которого мысли постоянно в пути, как потоки информации в сети интернета. Однако, когда он услышал монотонный голос психотерапевта, его сознание словно превратилось в послушный механизм, который, не задумываясь, делал то, что ему было приказано.

Феликс видит себя сидящим за рабочим столом в своём кабинете. Взгляд сконцентрирован на мониторе. Он видит, что цифры в столбце справа выглядят слегка занижено, и хочет выяснить причину этого. В этом месяце были недопоставки... Но в этот момент сознание получает команду, не обращать на это внимание, и он наблюдает за собой дальше. Он, Феликс, встаёт, оставляет свой кабинет и выходит из здания магазина. Справа от него дымит сигареткой крупная женщина. Это Габриэлла. Слева заполняет свой багажник покупками незнакомый

мужчина. Он кидает в сторону Феликса недружелюбный взгляд, садится в свой автомобиль, даёт газ и машина устремляется задним ходом прямо на него. Негодяй пытается раздавить его?! Его сердце бьётся в испуге, как птица, попавшая в ловушку, и готово выпрыгнуть из груди. Он видит себя убегающим за спасительные столбы и, когда он их достигает негодяй-водитель останавливается, переключается на переднюю скорость и исчезает за рядами припаркованных автомобилей.

В смятении Феликс возвращается в свой кабинет, но что-то по-прежнему не даёт ему покоя, он срывается с места и направляется на склад. Здесь он замечает только что прибывшую фуру с грузом. Её водитель ведёт его к прицепу, открывает двери и Феликс залезает вовнутрь, видимо, чтобы проверить товар. Двери прицепа захлопываются и он оказывается в полной темноте. Луч света исходит из его смартфона и Феликс видит не только паллеты с напитками, но и... необычный каменный блок с правильными прямоугольными гранями. Он узнаёт его. Этот блок он видел у Дитера...

Внутренний голос прерывает его и говорит, что это только галлюцинация. В реальности этот блок не существует и является только плодом его бурной фантазии. Его сознание получает команду проснуться и вид прицепа размывается перед его внутренним взором.

Феликс открыл глаза и осознал, что воспоминание о вчерашнем дне вернулось к нему. Вчера оно угодило по непонятной ошибке в запыленный и покрытый паутиной чулан его подсознания и теперь найдено там и поставлено на правильную полку, откуда он его может в любой момент достать.

Теперь он снова знал, что какой-то пенсионер чуть не раздавил его сдавая назад и водитель фуры по ошибке закрыл его в прицепе, когда он проверял прибывший товар.

«Немного странные, но вполне объяснимые события», — подумал Феликс.

На следующий день по пути на работу Феликсу пришло на ум, что он всё-таки должен сообщить в полицию о пенсионере, который очевидно уже был не в состоянии управлять автомобилем. В местных новостях уже несколько раз сообщали о случаях, когда люди в преклонном возрасте совершали наезды на прохожих и в одном таком происшествии на его памяти это закончилось даже гибелью молодой женщины. Однако для полиции нужны доказательства и... Они у него могут быть.

Подъехав к зданию Lidl, он решил сразу зайти в помещение охраны, откуда и осуществлялся контроль как внутри, так и снаружи магазина. Раз в месяц здесь появлялся сотрудник охранной фирмы, который проверял исправность видеокамер и записывающих систем. В остальное время помещение пустовало и Феликс имел возможность самостоятельно просмотреть необходимые видеозаписи, если возникали случаи, когда добропорядочные на вид граждане пытались совершить недобропорядочные поступки, а именно, пронести покупки, утаив их от не всегда бдительного взгляда кассирш.

Бывали дни, когда Lidl оказывался местом встречи откровенно недобропорядочных граждан. Только одним своим видом они уже демонстрировали, что принадлежат к особой прослойке общества, которая слишком умна, чтобы работать за гроши и слишком глупа, чтобы получить более менее хорошо оплачиваемую работу. А посему они предпочитали оставаться на иждивении государства и получать Sozialhilfe, разбавляя нескончаемые дни глотком дешёвого шнапса и запивая его бутылкой дешёвого пива.

В памяти Феликса остались свежие воспоминания об одном из случаев, когда один из недобропорядочной партии пытался пронести под полкой бутылки спиртного. Лицо субъекта уже успело примелькаться Феликсу и, когда он в камеру наблюдения увидел, что наглец, оттолкнув работницу магазина, ринулся не заплатив к выходу, решил, что не может оставить это безнаказанным. Феликс выскочил на перехват с другой стороны магазина и, догнав улетающего субъекта, завалил его на землю и вызвал полицию.

«Зачем ты сделал это? — не понимая, корила его Вероника. — У вас даже случаи воровства уже просчитаны в бюджете... А вдруг он бы пырнул тебя ножом?»

«Наверное, мне было просто обидно за мой магазин. За моих коллег», — ответил он.

Зайдя в помещение охраны и пролистав на компьютере сохранённые видеоролики, Феликс обнаружил, что папка с записями вчерашнего дня... пуста.

— Чёрт побери! — возмутился он, — почему именно в этот день в системе произошёл сбой?!

Не сказать, что на его памяти когда-либо с системой видеозаписи случались неполадки... Однако, другого объяснения он просто не находил.

Жаренная рыба на ужин оказалась слегка пересоленной и без какого-либо соуса достаточно сухой. Феликс пропихнул её остатки глотком разбавленного виноградного сока в желудок и на вопрос жены ответил, что всё было вкусно. Альтернативный вариант, сказать правду, даже не обсуждался. Вероника не принимала критику ни в какой форме. Если ужин не уничтожался в один миг, она делала вывод, что он Феликсу не понравился, и это являлось довольно опасным преступлением. Судья не имел намерения помиловать и сразу выносил окончательный вердикт:

«Не нравится, готовь сам».

К счастью для Феликса этот приговор никогда не приводился в исполнение. На следующий день ужин был снова готов и счастливый супружеский мир существовал дальше. Спустя долгие годы семейной жизни, Феликс смирился с тем, что некоторые поступки Вероники казались ему не совсем уместными. Он опустил планку своих личных требований, старался по возможности изменить в себе то, что не нравилось партнёрше, и, таким образом, брак держался уже почти двадцать лет.

— У меня что-то с головой, Ники, — начал Феликс издали, убирая напитки в холодильник.

Он решил больше не тянуть и рассказать жене всё, что терзало его мозг последние дни, не зная точно, как обрисовать эту новую для него ситуацию, не выставив себя при этом в образе ненормального.

— У тебя болит голова? — спросила она.

— Нет. Но мне кажется, я вижу вещи, которые не существуют.

Вероника посмотрела на него с улыбкой, пытаясь понять, в чём заключается шутка, которую её муж собирается отпустить. Не найдя ничего подходящего и видя, что Феликс по-прежнему серьёзен, она посмотрела на него внимательно, как будто собиралась найти какое-то изменение в его облике, потому что...

«Потому что нормальные люди не видят вещей, которые не существуют», — словно продолжил её мысль Феликс.

— Что ты этим имеешь в виду? — спросила она обеспокоенно.

— Мне кажется, я вижу умерших людей. Точнее говоря, пока только одного человека. Помнишь, я рассказывал тебе, что жена Дитера уже умерла... Её я вижу в зеркалах...

— Феликс, скажи мне, что ты шутишь...

— К сожалению, нет. Я был сегодня у психотерапевта...

Глаза Вероники широко открылись, как будто она увидела на голове у Феликса подозрительно зловредное насекомое, которое надо обязательно убить. Иначе...

— Догадайся с первой попытки, какой диагноз он поставил?

— Стресс, — ответила она не задумываясь и всё ещё буравя его взглядом.

— Он прописал мне пару таблеток, однако я не думаю, что буду их принимать... Я взял направление на МРТ...

— На МРТ? Но у тебя же ничего не болит? Или?

— Пока нет...

Глава 7

Начиная с поворота на Oberneulander Straße за ней появляется большая чёрная машина и вот уже целый квартал едет вслед, не обгоняя, хотя противоположная полоса свободна. Кристина обычно старается использовать велосипедную дорожку, но на всём протяжении этой улицы её нет, а тротуар находится в таком запущенном состоянии, что на нём можно отбить всю задницу. Корни рядом растущих деревьев взломали старый асфальт и выпирают, словно вздувшиеся вены на руке пенсионера. Она аккуратно поворачивает на Im Holze Straße и боковым взглядом замечает, что машина поворачивает вслед за ней.

Здесь тоже всё пусто, но водитель или новичок, или просто не торопится и поэтому не обгоняет её. Постепенно Кристине это начинает действовать на нервы. Она имеет право на своё личное пространство, а этот придурок вторгся в него и сидит у неё на хвосте. Она собирается повернуть голову и махнуть рукой, чтобы тупица понял, что он ей надоел и должен наконец-то обогнать её, но в этот момент машина резко появляется слева от неё и прижимает Кристину к бордюру. Её глаза широко открыты в представлении катастрофы, которая сейчас состоится. Она втыкается передним колесом в бордюр тротуара и видит себя словно со стороны в замедленном действии, как её тело отрывается от сиденья велосипеда и, подобно телу гимнаста на турнике, переворачивается головой вниз через руль и устремляется сначала вперёд, а затем вниз...

Открыв глаза, она увидела больничную кровать, белые стены отдельной палаты, зарешеченное окно и капельницу, прозрачный шланг которой заканчивался на её правой руке. Чаще всего Кристина не помнила, что она видела во сне. Лишь за редким исключением только что проснувшись, она могла проследить цепочку событий, которые с ней произошли. Однако этот сон до сих пор стоял перед её глазами. Она даже знала марку машины. Это была чёрная BMW. Она не успела разглядеть водителя, но в её памяти осталось худощавое щетинистое лицо, лысая голова и чёрные очки.

«Вот дерьмо! Меня действительно сбила машина...» — забурили мысли в её голове.

У неё появилось чувство, как будто кто-то нажал волшебную кнопку и её мозг, разжав тормозные колодки, снова включился и привёл в движение свои мыслительные турбины.

Внезапно дверь отворилась и в комнату вошёл высокий худощавый мужчина лет сорока пяти с почти наполовину лысой головой. Лёгкий волосяной покров начинался на макушке и заканчивался на затылке, оставляя открытым большой гладкий лоб, который казался ещё больше, чем он был, за счёт сужающегося книзу подбородка, придавая голове форму яйца.

Он был одет в белый халат и тёмного цвета брюки. Ворот белой рубашки под халатом был расстёгнут и на шее вместо галстука висел зелёного цвета стетоскоп. В руках он держал большую белую чашку, которая, судя по запаху, содержала в себе кофе. Мужчина улыбнулся Кристине искусственной улыбкой плохого актёра, прикрыл за собой дверь и встал напротив спинки её кровати. За одну только улыбку или то, что образовывалось на его лице, когда он поджимал тонкие губы, будто собирался кого-то поцеловать, она готова была его убить.

— Добрый день... Кристина, — проговорил яйцеголовый врач, кинув мимолётный взгляд на бирку с именем и фамилией пациентки, прикрепленную к спинке кровати. — Моя фамилия Фабрициус. Доктор Фабрициус. Я — твой лечащий врач...

— Я хочу домой! — прервала его Кристина. — Прямо сейчас!

— Но твоё состояние не позволяет нам это сделать... Ты знаешь, что произошло с тобой? — спросил он ещё сильнее выпучив свои лягушачьи глазки.

— Не знаю и знать не хочу! Вы не имеете права меня здесь держать!

— Тебя сбила машина, Кристина. У тебя серьёзное сотрясение мозга.

— Вы сообщили моей бабушке?!

— Она знает о том, что ты здесь. Она звонила по больницам и нашла тебя. От неё мы и узнали твоё имя и фамилию, — сообщил он, опрокинув в себя глоток кофе.

— Почему она до сих пор не навестила меня? — спросила Кристина, немного остыв.

— Мы отсоветовали ей и попросили подождать пару дней.

— Но почему? Я чувствую себя хорошо...

— Ты чувствуешь себя хорошо, потому что принимаешь болеутоляющие медикаменты.

Кристина почувствовала, что все её аргументы израсходованы и она не может убедить яйцеголового отпустить её отсюда. Однако непонятное ощущение какой-то странности событий, происходящих с ней, не давали ей покоя.

— А тот, кто меня сбил, его задержали?

— Этого я не знаю, — признался доктор Фабрициус. — Полиция была здесь, но ты находилась без сознания и они решили перенести разговор на другой раз.

— А где всё мои вещи? — продолжала она пытаться доктора.

— Они здесь, — указал он рукой на встроенный в стену белый узкий шкаф. — Я должен идти. Меня ждут другие пациенты. Если тебе будет что-то нужно, ты можешь вызвать медсестру, — сказал он, указав рукой на пульт с кнопками, висящий на раме кровати слева от неё.

С этими словами доктор Фабрициус удалился и оставил Кристи одну размышлять над своей ситуацией.

Она откинула одеяло, потому что в один момент ей стало неудержимо жарко, и ещё раз окинула взглядом палату. Комната оказалась небольшой по размеру и половину её пространства занимала больничная кровать Кристины, высокая прикроватная тумбочка и небольшой белый столик в углу, с приставленным к нему деревянным стулом. На стене напротив неё висела странная картина, нарисованная либо ребёнком, либо бездарным художником. Её мотив был Кристине непонятен. На ней был изображён смерч, однако в таких пёстрых оттенках, как будто это был не смерч, а раздутая в стороны радуга. В стене противоположной к двери находилось окно и за стеклом она могла чётко различить... металлические прутья решётки.

«Я что... в тюрьме? В психушке!» — дошло до неё, когда она вспомнила про крики пациентов, которые разбудили её в реанимационном отделении.

Кристина подумала, что предпочла бы тюрьму. Она осторожно свесила ноги с кровати, встала, держась за спинку, и почувствовала, что может передвигаться. У неё слегка кружилась голова, но ноги продолжали служить верно, как два солдата, присягнувшие родине, защищать её до конца.

Слегка покачиваясь, она дошла до шкафа, открыла дверцу и обнаружила внутри все свои вещи, включительно бесценный рюкзак в клетку. Пошарив внутри него, она достала смартфон, без которого жизнь уже казалась невозможной, и скривила губы, увидев, что он хотя и заряжен, но находится вне зоны приёма. Снова пошатываясь, она направилась к зарешечённому окну и недовольно вздохнула, установив, что телефон и здесь, так близко к свободе и равноправию, не хочет ловить нужные ему и Кристине радиоволны.

Однако, она не собиралась сдаваться и, вернувшись к кровати, подняла трубку телефона на прикроватной тумбочке, с радостью вняв однотонный гудок, означающий исправную связь. Кристина не знала ни одного номера наизусть и поэтому, открыв телефонный список в смартфоне, нашла бабушкин номер и набрала его. Телефон ответил быстрыми прерывистыми гудками и она с огорчением положила трубку.

«Бабуля опять трещит по телефону со своими подружками», — подумала Кристина, представив морщинистое лицо родной ей старушки в очках с толстыми линзами на носу и телефонной трубкой в руке.

Решив повторить звонок попозже, она открыла дверь своей комнаты и вышла в длинный коридор. Освещённый потолочными лампами дневного света, он заканчивался большим

помещением, от которого исходил непрерывный шум человеческого муравейника. Дошагав до него, Кристина увидела, что её опасения действительно оправдались.

«Дурдом...» — охарактеризовала она всего лишь одним словом представшую перед ней картину.

Основная часть больных занимала место перед телевизором, тупо уставившись на его экран, по которому шёл древний голливудский сериал о незатейливой и весёлой жизни простых американских семей. На некоторых сериал действовал, как таблетки снотворного, и они сидели с поникшей головой, словно разглядывали на полу что-то более интересное, чем скучный американский фильм.

Несколько пациентов, однако, в противовес своим коллегам чувствовали потребность выбросить накопившуюся за день энергию. Они двигались по известному только их мозгу замкнутому маршруту, многократно пересекающему большое помещение зала и огибающему островок с телевизионной командой. Одна пациентка на вид лет пятидесяти звала при этом свою маму, словно переместилась в прошлое, где ей было не более пяти лет.

— Мама! Ой! Больно! — кричала она и была главным источником шума, заполнившим это помещение.

Другая женщина с длинными седыми волосами проделывала свой путь молча, двигаясь походкой лыжника, преодолевающего глубокие снежные заторы. Взгляд её потухших глаз был устремлён вниз и, казалось, не внимал окружающую обстановку. Несмотря на это, словно она обладала дополнительным чувством ориентации, ей удавалось двигаться без столкновений с другими больными.

— Катастрофа, — прокомментировала сама себе Кристина.

Один полный лысый мужчина средних лет с разбитой до крови бровью ходил быстрым шагом от одного пациента к другому и, энергично жестикулируя, что-то рассказывал. Его речь не прекращалась даже тогда, когда он оставлял одного из больных и направлялся к следующему. При этом его бурные реплики устремлялись в пустоту или, возможно, к субъекту, невидимому всем остальным, однако вполне реальному для него самого. Зарегистрировав боковым взглядом Кристину, он решительно устремился к ней, активно работая согнутыми в локтях руками, словно занимался спортивной ходьбой. Скучный жизненный опыт Кристины был уже обогащён некоторыми знаниями, содержащими информацию, как вести себя, когда к тебе приближается дикий медведь или, скажем, злая собака. Во-первых, нельзя смотреть им в глаза. Во-вторых, нельзя убегать. Нужно преодолеть свой страх и издать аналогичный пугающий звук. В-третьих...

— Ты чего здесь стоишь, дура! — проговорил быстро толстый мужик с разбитой бровью, брызгая слюной. — Они уже пришли! Они тут! У нас нет времени! Завтра уже будет поздно...

«Мания преследования? — подумала Кристина. — Она же не передаётся через слюну?»

Опустив взгляд, она издала рычание голодной пантеры и тем самым на секунду приостановила словесный поток, вырывающийся из уст толстого с бровью. Вытаращив глаза и выставив вперёд руки, словно защищаясь от опасного зверя, он отскочил от Кристины на безопасное расстояние и продолжил отступление медленным полшагом, увеличивая расстояние между собой и пантерой. Третье правило поведения с диким медведем или злой собакой было, по-видимому, известно многим и ему в том числе.

Только теперь Кристина подняла глаза и заметила, что больной медленной поступью уже достиг середины помещения и пытается не смотреть в её сторону, а только изредка бросает испуганные взгляды. Подумав, что на сегодня она видела уже достаточно, Кристина двинулась обратно в направлении своей комнаты с мыслью, что попробует ещё раз набрать номер телефона бабушки, который она теперь знала наизусть.

Она проснулась ночью с пересохшим горлом, включила настенный светильник и, дотянувшись до стакана с минеральной водой на тумбочке, осушила его до дна. Снова выключив свет, она попыталась заснуть, но спать больше не хотелось. Её мысли снова вернулись к тому злополучному дню, когда её сбила машина, и она почувствовала себя абсолютно одинокой и брошенной всеми на произвол судьбы. Она так и не смогла дозвониться до бабушки и пришла к выводу, что та просто неправильно положила телефонную трубку.

«Но она же должна меня искать... А вдруг, ей стало плохо, когда она узнала, что я попала под машину... А вдруг...»

Каждая новая мысль, как острая игла, втыкалась в её измученный мозг руками какого-то садиста, который почему-то имел лицо яйцеголового доктора. При каждом уколе его поджатые губки искривлялись в злорадной улыбке и зрачки расширялись на всю ширину глаза, словно он был вне себя от перевозбуждения.

Кристине захотелось пройтись. Встав с кровати, она почувствовала, что чувствует себя намного увереннее на ногах, чем днём. Её внутренний врач, доктор Кристина Бургдорф, отменил выданные яйцеголовым врачом лекарства и сказал ей, что она абсолютно здорова и должна при первой же возможности удалиться из этой обители для больных с неисправными мозгами.

Снова выглянув в коридор, Кристина увидела, что потолочный свет потушен и горит лишь аварийный свет мелких ламп, встроенных в стену. Полумрак почти полностью заполнил пространство длинного коридора, однако из большого помещения мерцал призрачный свет.

«Забыли выключить телевизор?» — попыталась угадать Кристина.

Ещё раз убедившись, что коридор пуст в обоих направлениях, она двинулась в сторону большого помещения и оказалась права. Полутьма господствовала в том числе и здесь. Лишь телевизор остался единственным источником света и на его экране застыло изображение Луны.

«Документальный фильм? В это время?»

Перед телевизором Кристина заметила силуэты трёх людей, стоявших к ней спиной. Ни один из них не отреагировал, когда она вошла в помещение. Обойдя вокруг эту группу полумночных зрителей, она увидела их, освещённые белым светом Луны лица, и у неё похолодело в груди. Из под бровей выглядывали пустые белки глаз, словно радужной оболочки, вероятно, закатившейся за веки, и не существовало. Эти трое застыли, словно в трансе, при виде спутника Земли и их рты были уродливо разинуты в безмолвном крике, открывая нижний ряд зубов и высунутый тёмный язык.

Страх сковал Кристину в первое мгновение, но затем заставил попятиться назад и удалиться с этой ужасной сцены, пока наблюдатели Луны не заметили, что сами оказались объектом наблюдения. В этот момент чья-то ладонь с длинными холодными пальцами легла сзади на её плечо и Кристина вскрикнула от неожиданности. Резко повернув голову так, что даже боль в шейных позвонках пронзила тело, она увидела перед собой лицо яйцеголового доктора. Улыбка играла на его тонких и поджатых губах, показывая, что ему доставило большое удовольствие её напугать.

— Почему вы не в своей палате, Кристина? — начал он строго, убрав, словно маску, улыбку с лица.

— Что здесь происходит?! Кто это, чёрт побери! — взвизгнула она вне себя.

— Не надо кричать, иначе вы разбудите их. А они этого не любят, — предупредил доктор Фабрициус. — Это наши больные, такие же пациенты, как и вы.

— Я не такая...

— Ну, пока нет...

— Что это значит?! Чёрт возьми! — прорычала Кристина.

— Пожалуйста, потише. Извините, я только пошутил. Вы — не такая.

— Они в трансе? Почему у них такие странные глаза?

— Эта группа пациентов страдает сомнамбулизмом. Они, говоря в простонародье, лунатики. В спящем состоянии они способны бодрствовать и бродят по ночам, руководимые только рефлексамии их организма. Отсутствие зрачков — это один из симптомов лунатизма. Как вы можете видеть, ничего опасного они собой не представляют.

— Они — лунатики и поэтому таращатся на Луну? — полушёпотом спросила Кристина.

— Не совсем. Медицина уже давно установила, что лунатизм не имеет ничего общего с полнолунием. Однако мы наблюдаем за этой группой больных и можем частично опровергнуть это мнение. Этот видеоролик включается каждую ночь и при помощи сенсоров записывается активность головного мозга пациентов.

Только сейчас Кристина смогла разобрать в темноте, что у каждого из лунатиков надета на голове шапочка, усыпанная, как горохом, металлическими шариками сенсоров, что делало их похожими на пилотов или космонавтов.

«Нет, — передумала Кристина, — на пришельцев. На злых пришельцев с другой планеты».

Трое лунатиков по-прежнему стояли не шевелясь и присутствие Кристины и яйцеголового доктора нисколько их не смущало. Судя по хрупкому телосложению одна из них была молодая женщина.

— Я надеюсь, у вас нет позывов присоединиться к этой группе и глазеть на Луну? — спросил доктор Фабрициус с лёгкой издёвкой в голосе. — Шапочку для записи активности вашего мозга я могу организовать хоть сейчас.

Его губы снова сжались в трубочку и он явно был доволен своей плоской шуткой.

«Единственный позыв, который я чувствую, дать тебе по физиономии», — подумала Кристина и коротко ответила:

— Нет. Позывов не наблюдается.

— Кстати, вы не ответили на мой вопрос, Кристина. Почему вы не в своей палате? Я надеюсь, вы приняли вечерние таблетки?

— Разумеется, доктор, — соврала она, не моргнув глазом.

Иногда Кристине казалось, что она не умеет врать. Когда ей приходилось говорить неправду, например бабушке, она чувствовала себя неуверенно и думала, что это заметно окружающим. Доктор Фабрициус проглотил эту ложь без комментариев и произнёс:

— Тогда я желаю вам спокойной ночи и хочу, чтобы вы отправились в свою комнату.

«Вероятно, ему это просто безразлично, приняла я их или нет», — подумала она.

— Конечно, доктор, — ответила Кристина.

У неё не было желания оставаться в обществе трёх лунатиков, независимо от того, были они опасными или нет, и она направилась назад к себе в палату.

Глава 8

«Мы обнаружили у вас тумор», — звучал в голове Феликса голос врача, словно приговор в зале суда о пожизненном заключении за преступление, которое он не совершал.

Он стоял на выходе больницы St. Johannes-Stift и послание повторялось снова и снова, как будто было записано на катушку древнего магнитофона и эта катушка странным образом никак не собиралась заканчиваться. Голос врача уже успел потерять человеческие тона и звучал, словно пропущенный через специальный цифровой фильтр, делающий его похожим на низкотембральную речь механических пришельцев из другой галактики.

Случилось самое худшее из того, что Феликс мог предположить. Он, конечно, не собирався жить вечно, однако умереть не достигнув даже шестидесяти, казалось ему несправедливым.

«Почему именно меня? — кричало всё в нём внутри. — Чем таким я прогневал проклятый космос, что он выбрал именно меня и наградил раком мозга?»

Он шёл задумчиво по улице в направлении парковки и всё вокруг, казалось ему, расцвело и приобрело особенно пёстрые краски. Небо, казалось, стало ещё выше и приобрело ярко бирюзовый цвет. Пара белоснежных облаков, завалившись набок, лениво плыли, подгоняемые лёгким ветром. Автомобили перестали выплёвывать выхлопные газы и воздух пах, словно после грозы, озоном. Люди вокруг, молодые и красивые, шли улыбаясь и о чём-то весело разговаривая. Всему свету разрешалось жить дальше и только ему выпало оставить внезапно этот прекрасный мир... и больше не существовать.

Только само понятие — больше не жить, пугало его до истерики. Он готов был остановиться и разрыдаться на глазах у всех прохожих. Больше не существовать — не вкладывалось ни в какие рамки его понимания.

«Где тот дьявол, которому я могу продать свою душу, — подумал Феликс. — Отдам по дешёвке... много не возьму...»

Он оглянулся, всерьёз посмотрел вокруг, но ни один из прохожих не напоминал ему рогатое существо с копытами и хвостом.

Перед его внутренним взором снова появился аппарат в форме лежанки с вертикально установленной белой шайбой в виде Donuts в головной части. Включается мотор лежанки и Феликс головой вперёд, словно посылка на конвейере, устремляется внутрь отверстия. Белый Donuts состоит явно не из теста, потому как движение его магнитов наполняет гулом его уши...

Дойдя до машины, он открыл дверь и тяжело опустился в водительское сиденье. Ему показалось, что за последний час своей жизни он постарел минимум лет на десять. Включив мотор, он поднял блик в стекло заднего вида и... замер от ужаса. Женщина-призрак снова наблюдала за ним сзади и взгляд её страшных глаз вонзился ему в мозг, словно длинные строительные гвозди. Ему показалось, что своим взглядом она может пронзить его голову насквозь и... может быть уничтожить проклятый тумор, который снова приняв образ одушевлённой жевательной резинки, ехидно ухмылялся ему.

— Ты не существуешь! — проговорил Феликс вслух. — Ты плод моего больного воображения!

Мёртвые губы в зеркале начали двигаться, как будто женщина услышала его и пыталась возразить. Однако слуховых галлюцинаций не последовало.

«Почему мой больной мозг внушает мне появление этого призрака, но не наделяет его при этом речью?» — подумал Феликс.

— Мы поможем тебе, Феликс, — словно в ответ послышался голос женщины из зеркала. — Только не сопротивляйся. Мы ждём тебя уже давно. Ты можешь стать одним из нас...

Повернув на Langwedeler Straße⁶, Феликс проехал один перекрёсток дальше, чем обычно, и очутился на пути к дому Дитера. Не останавливаясь, он доехал до середины улицы и увидел то, что и предполагал, а именно: отсутствие чёрного автомобиля Ford напротив дома соседа. Феликс продолжил движение и, сделав круг, очутился около своего дома. Не долго думая, он заскочил вовнутрь и, выглянув из окна через огород, убедился, что и на парковке автомобиль отсутствует.

«Путь свободен», — сказал он сам себе.

Феликс не знал, что им движет, но мысль вторгнуться во владения Дитера, пришла быстро, самостоятельно и казалась вполне разумной. Он только смутно представлял себе, чего собирается достичь этой вылазкой. Возможно, его сознание не хотело согласиться, что оно, также как и тело, больше ни к чему не пригодно и предназначено только на свалку. Маленькая капля уверенности, что он психически здоров, теплилась в глубине его души. Сознание требовало какого-то действия и он решился на него быстро и бесповоротно.

Вероника была ещё на работе и план Феликса был подвержен единственному риску, а именно: только быть пойманным с поличным самим хозяином дома. Активным шагом уверенного в себе камикадзе он пересёк свой огород и, подойдя к забору, выбрал место, где сетка забора максимально провисала над землёй. Поставив два кирпича, выдернутых из ограждения рядом стоящей ёлки, друг на друга и, держась за край сетки обеими руками, он с лёгкостью гимнаста, ушедшего на пенсию, перемахнул одну ногу, собираясь вторую уже в прыжке также перенести через это проволочное препятствие. Когда вторая нога Феликса неожиданно зацепилась штаниной за проволоку забора, он понял, что идея преодоления преграды была явно недоработана, и на одно мгновение завис между небом и землёй. Затем штанина под тяжестью его веса издала треск и он беспомощно рухнул на землю, больно ударившись локтем о рядом стоящий срубленный ствол какого-то растения. Феликс поднялся и быстро оглянулся по сторонам. Его конфузное падение осталось никем незамеченным и он ринулся к своей цели.

Как открывается старая дверь на террасу снаружи и без ключа, он знал по рассказу Фреди, его бывшего подчинённого по работе, находящегося на данный момент на пенсии. Как-то Фреди вышел на улицу к почтовому ящику и входная дверь, подлым образом захлопнувшись от сквозняка, оставила его снаружи. Без ключа. К его счастью и несчастью самой двери, садовый домик был всегда открыт и в нём он нашёл топор. Поддев им дверь снизу, он смог сместить её с петель, выдавить и в конечном итоге снова попасть домой.

Оставив свой дом, Феликс прихватил инструмент, который более подходил для взлома закрытых дверей. Это был стальной лом, заострённый с одной стороны и похожий на гигантскую отвёртку. Его он оставил со своей стороны забора и сначала решил поискать запасной ключ, который каждый из хозяев прячет на случай, произошедший с Фреди. Фреди не спрятал ключ и ему пришлось калечить дверь.

Со стороны террасы Феликс не увидел ничего примечательного, что могло бы послужить тайником, и пошёл вокруг дома в направлении главного входа. Перед входной дверью он увидел уже знакомый цветочный горшок с декоративным кустом ивы, однако пошарив под ним, ничего не обнаружил. Ещё раз осмотревшись, он собирался вернуться назад, но вдруг приметил под лестницей неприметный кирпич серого цвета, видимо забытый хозяином после очередного ремонта. Приподняв кирпич, Феликс обнаружил то, что искал. Запасной ключ.

Не теряя времени, он открыл дверь и очутился в просторной прихожей с большим зеркалом до пола и открытым гардеробом светлого тона. Белая краска выгорела от солнечных лучей, попадающих сквозь стекло на двери, и приобрела желтоватый оттенок. На крючках гардероба висели две мужские куртки различной длины и повседневная светлая кофта с капюшоном.

«Судя по одежде, Дитер живёт здесь один», — подумал Феликс.

⁶ название улицы в местечке Kuhkamp

Оставив прихожую, он прошёл в зал, состоящий из двух, располагающихся перпендикулярно друг к другу, комнат. В одной из них стоял длинный деревянный стол со стульями и небольшая витрина с посудой у стены. В другой он увидел знакомый ему уже кожаный диван шоколадного цвета, на котором Дитера хватил сердечный приступ или инсульт. Или и то, и другое вместе. Кожа дивана успела потрескаться, но хозяин, похоже, не собирался распрощаться с ним. Одну стену занимала незаменимая принадлежность любого мягкого уголка — большой плоский телевизор последнего поколения, на другой — упрятанная под стекло фотография хозяина дома и его жены, заснятая вероятно не так давно, потому что Дитер на ней практически не изменился.

Ещё раз внимательно взглянув на женщину, Феликс смог окончательно убедиться, что женщина-призрак, навещающая его, и есть умершая жена Дитера. На фото она выглядела не особенно жизнерадостной, однако улыбалась, хоть и натянуто. В этом лице преобладала черта постоянной серьёзности, как если бы она была строгой учительницей и каждую минуту своей жизни находилась среди своих учеников, мотивируемых только ударом длинной линейки по различным частям тела, преимущественно по рукам.

Простояв почти пять минут перед фотографией, Феликс не обнаружил ничего сверхъестественного и только теперь понял, что подсознательно он рассчитывал получить какое-либо объяснение именно от неё. От фотографии. Он надеялся, что взгляд на неё вблизи откроет ему непонятную тайну этого дома и его обитателей. Однако теперь, когда ничего не произошло, он не знал, что делать дальше.

Отойдя от стены с фото, он решил подняться на второй этаж и двинулся к деревянной лестнице, находящейся у главного входа. Поднявшись по скрипучим ступенькам на самый верх, Феликс очутился в коридоре, три двери которого открывали вход к другим комнатам. Открыв одну из них, он попал в рабочий кабинет Дитера или помещение, которое было таким, когда он ещё не вышел на пенсию. На белых стенах висели его фотографии с коллегами, облачёнными в белые халаты и такого же цвета шапочки. Все они несомненно принадлежали к кругу медицинских работников или были связаны с медициной. Посреди комнаты, устланной толстым серым ковром, стоял огромный рабочий стол со старым компьютером. И стол, и монитор компьютера были покрыты толстым слоем пыли, указывая, что хозяин дома редко появлялся здесь последнее время, если вообще появлялся.

Не найдя ничего необычного, Феликс отправился в следующую комнату и застыл на пороге как вкопанный. Окно в комнате отсутствовало, стены были покрашены в чёрный цвет и только белый потолок и настенные лампы, излучающие холодный неоновый свет, давали представление о её размерах. В первый момент у Феликса перехватило дыхание, но холодный раскусод сразу зарегистрировал знакомый ему каменный блок, который в последний раз он видел во сне. На нём, словно выключенный робот, лежала... жена Дитера. Это была несомненно она, та женщина, которую он видел на балконе этого дома. Феликс застыл от страха на месте, не решаясь оторвать от неё взгляд. Она была одета в ту же самую ночную рубашку, в которой он её видел тогда ночью, и находилась в ёмкости, напоминающей саркофаг с округлёнными углами и прозрачной верхней крышкой.

В какой-то момент Феликс засомневался, что видит мёртвое тело. Оно выглядело скорее как манекен или восковая фигура, выставленная в музее знаменитых представителей *homo sapiens*. Однако губы синевато-серого цвета, бескровная белая кожа, плотно обтягивающая кости черепа, глубоко впавшие в глазницы потемневшие веки принуждали думать, что это всё-таки мертвец.

Аккуратно подстриженные седые волосы симметрично спадали на оба плеча, полностью закрывая их. Страшные посиневшие руки лежали вдоль тела ладонями вниз и на запястье одной из них он заметил металлический браслет с выгравированными на нём непонятными знаками. Феликсу показалось, что он уже видел подобный браслет.

«У нас в туалетной комнате? — пронеслось у него в голове. — Или в бардачке машины? Где я его видел?»

Феликс стоял, затаив дыхание, и не знал, что его ошарашило больше, мёртвая женщина в прозрачном гробу или то, что каменный блок... парил в воздухе на высоте полуметра. Этот трюк он видел пока только во сне и вот теперь имел возможность посмотреть наяву. Проведя рукой над саркофагом и под блоком, он убедился, что тот не висит на неких невидимых шнурах и лишь вводит его в заблуждение, что парит.

«Если Дитер является этим неизвестным фокусником, то он выбрал неправильную профессию, — подумал Феликс. — С этим цирковым номером он стал бы знаменитым».

Он простоял в нерешительности несколько минут, не зная, что ему теперь предпринять. На лицо был труп, о котором нужно было бы сообщить в полицию. Он не мог просто закрыть на это глаза, оставить этот дом и жить дальше, как будто ничего не произошло.

«Не исключено, что Дитер убил свою жену. Причём совсем недавно, потому как труп не успел разложиться», — обескуражено подумал Феликс.

Однако это был единственный вывод, который сформировался в его голове. Вопрос, почему он видел мёртвую женщину в зеркалах, оставался по-прежнему открытым и объясняемым только тем, что он болен и галлюцинировал.

Внимательно наблюдая блок вблизи, он мог теперь с уверенностью сказать, что это не бетон. Материал, из которого он был сделан, имел схожий с бетоном цвет, но на его поверхности отсутствовали поры, как у настоящего бетона. Он был абсолютно гладким, точно его отполировали, однако одновременно отсутствовал глянец от света, попадающего через окно, словно камень абсорбировал его непонятным образом. Острые прямоугольные грани разделяли три видимые поверхности блока и были до невероятного правильными, словно созданы, чтобы служить эталоном прямолинейности для всех других эталонов, существующих на Земле.

Феликс хотел прикоснуться кончиками пальцев к гладкой поверхности, но почувствовал лёгкую вибрацию воздуха в её близости, сопровождающую неожиданным покалыванием в пальцах, и отдернул руку. В этот момент в глаза ему ударил яркий свет и всё поплыло перед ним.

Снова придя в себя, Феликс увидел над собой белый потолок, прерывающийся кромкой предмета мебелировки. В нос ударил затхлый запах старости, вероятно, от ковра серого цвета, на котором он лежал. Он приподнял голову и понял, что лежит в неизвестном ему помещении, стены которого были окрашены в светлые тона. Посреди комнаты стоял громоздкий рабочий стол, с одной стороны которого он и лежал на полу. Где он и каким образом здесь очутился, Феликс не знал. Однако теперь ему была известна причина этой короткой амнезии и он воспринял этот факт, не паникуя и как что-то собой разумеющееся.

На запястье левой руки он почувствовал прикосновение чего-то холодного и, подняв её, увидел на ней металлический браслет. Феликс никогда не носил ничего подобного и откуда появился этот браслет, не имел понятия. Проведя пальцем по выгравированной на нём непонятной надписи, состоящей из штрихов и точек, он невольно вздрогнул, когда браслет с лёгким щелчком самостоятельно раскрылся и свалился с его запястья на пол. Подняв его, Феликс не нашёл место соединения, замка или какой-либо другой застёжки. Браслет снова сомкнулся и представлял собой металлическое кольцо. Покрутив его, он нашёл со стороны, обратной к надписи, горящую зелёную точку.

«Чудеса...» — подумал он.

Погрузив браслет в карман куртки и ухватившись за край стола, Феликс встал и огляделся в комнате. Кроме запылённого стола со стулом, старого компьютера на нём и регалей вдоль стены, забитыми какой-то справочной литературой, он увидел несколько фотографий в рамке на стене. На всех из них присутствовал его таинственный сосед по участку.

«Похоже, я действительно вломился к Дитеру, — подумал Феликс слегка озадаченно и одновременно вспомнив шутку Вероники по этому поводу. — И выключился совершенно нелепым образом прямо на месте преступления».

— Да, Феликс. Ничего более глупого ты не мог придумать, — сказал он сам себе вслух.

На его голос послышалось движение в соседней комнате и в дверях появился хозяин дома.

«Влип по полной программе», — констатировал ситуацию Феликс, увидев его и слегка покраснев.

Ему было беспредельно стыдно и одновременно обидно, что он по собственной инициативе оказался в таком дурацком положении. Одновременно удивительной показалась ему реакция Дитера на наглое вторжение на его личную территорию. На его лице он не обнаружил ни капли удивления или гнева, как будто подобные визиты он принимал каждый день.

«Похоже, он обнаружил меня уже давно, но не решился привести в чувства...»

— Что вы делаете в моём доме? — спросил Дитер спокойно. — Мне кажется, я вас не приглашал.

— Честно говоря, я и сам не знаю, — ответил Феликс, решив, что всю правду соседу не обязательно знать. — Последнее время я страдаю провалами в памяти и не могу вам сказать, как и зачем я здесь появился.

— Подобной отговорки я ещё никогда не слышал. И вы хотите, чтобы я вам поверил?

— Другого ответа у меня, к сожалению, нет для вас, Дитер.

— Представьте, что какой-нибудь грабитель пойман в банке с поличным и на вопрос полицейского «Как он сюда попал?» отвечает, что у него амнезия и он этого не знает...

— Согласен. Звучит неубедительно. Но...

— Но даже если бы это было так, это абсолютно не извиняет вас.

— Да. Возможно, вы правы, — ответил Феликс, немного наглей. — И поэтому, я приношу вам мои извинения.

— Ваши извинения мне не нужны. Я хотел бы знать настоящую причину вашего вторжения. Вы следите за мной? Выискиваете на меня какой-то компромат? Что вы хотели здесь найти?

— Ничего, — не моргнув глазом соврал Феликс.

Дитер, нахмутив брови, подошёл к окну и пристально поглядел в сторону дома Феликса. Отсюда был виден его огород, терраса и парковка для машины. В этот момент пропищал стандартную мелодию смартфон соседа, уведомляя о новом сообщении. Он быстро вынул телефон из заднего кармана брюк, прочитал текст и, не поворачиваясь, коротко кинул Феликсу:

— Убирайтесь. Здесь вам не место.

Феликс был рад, что так легко отделался, и двинулся вниз по лестнице к выходу. Чувство собственного достоинства оказалось довольно сильно подмятым, но это его почти не огорчало, поскольку он снова вспомнил о туморе. Перелезть через забор в свой огород и быть наблюдаемым при этом Дитером ему не хотелось и он, выйдя из главного входа, направился вдоль улицы пешком, чтобы сделать круг и очутиться дома, где ему придётся всё рассказать Веронике. Он шёл медленным шагом и размышлял о том, что его ожидает.

«Как она воспримет всё это? — думал он. — Сможет ли она поддержать меня?»

Феликс не желал быть для кого-то обузой, в том числе и для собственной жены. Он вышел на улицу, которая вела к его дому и уже через пару секунд увидел его крышу. Впереди на краю дороги стояла машина скорой помощи. Он узнал её издалека по жёлто-красному цвету кузова и мигающему синему свету огней на его крыше.

«Кому-то тоже плохо, — подумал он. — Кому-то из соседей?»

Подойдя поближе, он увидел фасад своего дома. Машина скорой помощи стояла напротив главного входа в его особняк.

«Вероника?!» — словно молния сверкнуло в его голове.

Оставшееся расстояние Феликс пронёсся как ветер и, взлетая на порог, начал дрожащими руками доставать ключи от дома. Связка зацепилась за что-то в кармане куртки и не вылезала наружу. Только вытянув карман наизнанку, он заметил небольшую дырку, куда провалился один из ключей. Наконец-то открыв дверь, он увидел в коридоре двух плечистых мужчин в белых халатах, подозрительно уставившихся на него.

— Что с ней?! — крикнул он, протискиваясь сквозь них, потому как мужчины загородили всю прихожую.

— Это мой муж, Феликс, — прозвучал спокойный голос Вероники из зала.

Она находилась в полном здравии, сидела невозмутимо за столом, на котором стояли две чашки дымящегося кофе, и её нисколько не удивило появление взбудораженного мужа. Напротив неё занимал место высокий худощавый мужчина. Через свои гены он, похоже, унаследовал волосатость ниже среднего и поэтому к своим сорока-пятидесяти годам, на которые он выглядел, потерял уже половину волос на голове.

— Что случилось? — спросил Феликс, глядя на Веронику.

— Меня зовут доктор Фабрициус, — представился мужчина, — и нам кажется, вы нуждаетесь в помощи, Феликс.

— Я? Нуждаюсь в помощи? — переспросил ничего не понимая Феликс. — Кто вам это сказал? И в какой такой помощи я нуждаюсь?

— Феликс, ты же сам говорил, что у тебя проблемы с головой ... — начала неуверенно Вероника.

— И поэтому ты решила упрятать меня в психушку!? — взвился он вне себя от гнева.

Феликс не представлял, как Вероника воспримет его сообщение о диагнозе тумора, однако у него и в мыслях не было, что она может списать его так быстро без зазрения совести.

— Доктор Хольвег тоже посоветовал, чтобы ты подлечился, иначе...

— Откуда ты знаешь его имя!? ... Доктор Хольвег сказал, что это стресс от работы...

— Это он сказал тебе, чтобы ты лишний раз не беспокоился, — перебила его Вероника. — А мне он сообщил, что у тебя начальная стадия шизофрении.

Феликс на мгновение оцепенел после последнего сообщения жены.

«Полный букет, — подумал он. — Тумор и шизофрения. Брат и сестра безумия. Спасибо тебе, providение».

— У меня нашли рак головного мозга, — сообщил он уже спокойнее.

Феликс увидел, что на Веронику его последнее сообщение не произвело никакого эффекта, словно он рассказал ей о болезни совершенно постороннего человека. Она сидела по-прежнему отчуждённо, как будто стала роботом и переключилась в спящий режим.

«Может быть, это совсем не Вероника, а инопланетное существо, получившее облик моей жены? — мелькнуло у Феликса в голове. — А этот, яйцеголовый доктор, совсем не доктор, а...»

— Феликс, в нашем больничном комплексе находится кроме того отделение, которое занимается диагностикой и лечением раковых заболеваний. Если вы дадите своё согласие, мы можем повторить обследование и предложить необходимые меры лечения. Что вы скажете на это? — снова сообщил о своём присутствии доктор Фабрициус.

Вид доктора не располагал Феликса довериться ему. Два бугая в белых халатах, стоявшие молча всё ещё в прихожей, снижали это доверие до абсолютного нуля. Однако речь яйцеголового звучала рассудительно и логично.

«Второе мнение, повторный тест... может произошла ошибка? — подумал Феликс. — У меня ничего не болит... может я всё-таки здоров?»

Глава 9

Выйдя из своей комнаты, Кристина неуверенным шагом двинулась по знакомому ей коридору в общее помещение для больных. В голове у неё что-то гудело, как будто её окружало поле высоковольтного напряжения. Она чувствовала себя необычно слабой, но тем ни менее решила всем врачам назло вылезти из своей берлоги и хотя бы немного пройтись.

Сегодня утром она проснулась и заметила, что в её вене торчала игла, присоединённая тонким прозрачным шлангом к капельнице. Посредине шланг переходил в прозрачный пластиковый цилиндр с регулятором дозировки. Каждую секунду в её вену капля за каплей попадала незнакомая прозрачная жидкость и Кристина не имела понятия, чем именно её подпитывают. Однако более важным казалось ей другое обстоятельство. В большей степени удивляло, каким образом врачи умудрились подсоединить её к капельнице, не разбудив при этом.

«Подмешивают что-то в еду?» — подумала она вяло.

Ночь сменял день, день — ночь и Кристина потеряла счёт времени. Сколько она уже пребывала в больнице, ей было неизвестно. Бабушка до сих пор не появилась навестить её, но этот непонятный факт ушёл в её сознании на второй или третий план и только иногда снова появлялся на призрачном горизонте мыслей, чтобы опять бесследно исчезнуть.

Доковыляв до общего помещения, Кристина увидела знакомые безумные лица.

«Наверное, я уже выгляжу так же, как и они», — пришло ей в голову.

Перед телевизором почти все места, за исключением последнего ряда были заняты. В первом ряду с краю занимали места Михаэль и Регина. Их имена она услышала от медсестры, полной девушки с татуировкой в форме змеи на руке, которая собиралась проводить их на процедуры. Михаэль и Регина везде находились вместе, словно разнополые сиамские близнецы.

Посреди комнаты сидела неизвестная ей женщина в кресле-каталке. Её ступни, казалось жили самостоятельной жизнью и находились в постоянном движении. В то время, как их хозяйка взидала на мир вокруг через толстые линзы очков, они, лишь слегка задевая пол, передвигали её не более, чем со скоростью улитки в неизвестном направлении.

Женщина с длинными седыми растрёпанными волосами, имени которой Кристина ещё не узнала, так же как и предыдущие дни, кружила по одному и тому же маршруту, обходя всё помещение и всем загадочно улыбаясь. Сегодня она не вспоминала свою маму, вернувшись, вероятно, назад из прошлого. С некоторым отрывом от неё двигался полный лысый мужчина. Его звали Норберт и он, похоже, относился к агрессивным пациентам, о чём свидетельствовала его бровь, приклеенная на место двумя короткими лентами лейкопластыря. Вдоль своего маршрута он постоянно останавливался и, активно жестикулируя, обращался к другим пациентам. Иногда он кидал пристальные взгляды в сторону Кристины, однако подойти к ней пока не решался.

Несколько больных, лица которых Кристине успели примелькаться, слонялись по помещению молча, не задирая других и только изредка издавая нечленораздельное мычание.

Мужчина примерно сорока лет, сидевший в предпоследнем ряду перед телевизором, показался Кристине незнакомым. Его она видела в первый раз. Взгляд его прищуренных серо-зелёных глаз был устремлён, как и у других пациентов, на экран телевизора, однако выражение лица не скрывало абсолютное безразличие к тому, что вещалось по каналу ProSieben. Похожее безразличие заметила Кристина и в его отношении к самому себе. Мужчина наверное забыл, возможно в течении минимум трёх дней побриться и его подбородок с ямочкой, впавшие скулы и кадык обрамлял неровный слой тёмной редкой щетины. Одетый, как и большинство больных, в просторную клетчатую пижаму серых тонов, он сидел слегка сгорбившись, уперев локти в колени и водрузив небритый подбородок на сложенные вместе пальцы рук.

Кристина пропустила всем улыбающуюся даму двигаться дальше по своему неизменному кругу и опустилась на деревянный стул в том же ряду, что и незнакомый мужчина. ProSieben показывал еженедельное телевизионное шоу с медийными и популярными личностями, приговорёнными готовить незатейливые кулинарные блюда на глазах у восторженной, если она попадала в объектив камеры, а на самом деле скупающей публики.

Кристина относилась к еде, как к необходимому злу, без которого невозможно обойтись. То, что готовила бабушка, она не любила. Готовить сама, она ненавидела. И любимого блюда у неё тоже не было. А посему в свои пятнадцать она выглядела супер стройной моделью, не знающей проблемы лишних кило и выслушивающей ежедневные вздохи бабушки, требующей, чтобы она пошла к врачу обследовать свой нездоровый желудок.

Минут через двадцать передача успела наскучить Кристине, но она продолжала как загипнотизированная таращиться в телевизор. В один момент боковым зрением она заметила, что рядом с ней кто-то стоит. Три стула дальше возник полный лысый мужчиной с залепленной пластырем бровью. Незаметно для Кристины он изменил свой традиционный маршрут, пробрался сзади неё и включил свой ежедневный монолог, начинающийся со слова «Дура».

— Сам дурак, — вяло ответила Кристина, найдя самое мягкое слово в своём обширном запасе словесных ругательств и при этом посмотрела на мужика, нарушив основное правило поведения с бешеными собаками.

Мужик с бровью явно не ожидал какого-либо ответа на свою тираду и чуть не подавился на полуслове. Его глаза выпучились, как у лягушки, лицо покраснело, а рот так и остался открытым, отравляя всё вокруг запахом нечищенных зубов и противных лекарств. Кристине показалось, что сейчас из его ушей пойдёт пар, черепная коробка распахнётся и оттуда запустится очередная ракета, выносящая спутник на орбиту Земли.

Однако ничего этого не произошло. По всей видимости потому, что новый пациент с небритым лицом встал и, раздвинув стулья, стоящие ему на дороге, сел на место рядом с Кристиной, создав таким образом барьер между ней и толстым лысым с бровью. К подобной провокации толстый лысый тоже не был готов. Сигналы его мозга попытались обойти нарушенные нервные переходы и достичь поставленной цели, чтобы отреагировать на этот акт нахальства.

— ... Дурак, — только и смог произвести его речевой аппарат.

Остаток его сообщения, сопровождаемый активной жестикуляцией и брызганьем слюней, остался где-то в пути, словно автомобиль в дорожной пробке. Мужик с бровью застыл, словно выключенный робот, и оттенок его лица переключился с красного на белый. Затем он безмолвно сел на последний стул ряда и уставился на экран телевизора, по которому началась реклама спальных матрасов.

— Спасибо, — тихо произнесла Кристина, продолжая смотреть в сторону телевизора.

— Не за что, — ответил так же тихо незнакомец.

— Вы, что — не сумасшедший? — поинтересовалась она.

— Я думаю, нет, — ответил он серьёзно.

— Меня зовут Кристина.

— Нильс.

Реклама перепрыгнула на средства для помывки полов. Из ёмкости с магической жидкостью словно джин появился мультипликационный мужик с мускулистыми руками, белыми бровями, в белой футболке и с сияющей лысиной. У зрителя, вероятно, должно было создаться впечатление, что полы после мытья будут блестеть, также как и лысина мультгероя. Каким-то образом эта реклама переключила рэле в голове пациента с бровью. Он снова пришёл в себя, поднялся и, не обращая внимания на Кристину и Нильса, двинулся искать очередную жертву своего монолога.

Кристине понравилось, что кто-то за неё заступился. Обычно люди сторонились её и через все неровности жизни ей приходилось вырливать самой без посторонней помощи.

Единственным человеком, заботу которого она почти всегда безропотно принимала, была её бабушка. Был, конечно, ещё Матиас, коротко — Матцэ, но он пока ещё не понял, что нравится ей, потому что на первом плане в его жизни были его дурацкие мотоциклы.

— Если вы не сумасшедший, тогда почему вы здесь? — спросила Кристина.

— Наверное, по той же самой причине, что и ты, — ответил он, по-прежнему не отрываясь от экрана.

Они разговаривали друг с другом, однако их блики были прикованы к злополучному телевизору, по которому закончилась реклама и возобновилось кулинарное шоу.

«Именно так разговаривают шпионы в темноте кинотеатров», — подумала Кристина.

— Знаешь, почему мы смотрим эту скучную передачу и не хотим оторваться от экрана? — продолжил Нильс.

— Пока я смотрю телевизор у меня не болит голова, — сообщила она.

— Ты слышала об эффекте двадцать пятого кадра?

— Нет, — честно призналась Кристина.

— Для него существует так же другой термин — сублиминальная реклама. В двадцать пятый кадр видеосигнала вставляют информацию, которую мы регистрируем только на уровне подсознания...

Кристина перевела взгляд на Нильса и ей показалось, что некоторые винтики в его голове всё-таки выскочили и потерялись. Он по-прежнему таращился на экран и его глаза бы всё время прищурены, словно он смотрел на солнце. Ей пришло в голову, что Нильс не ответил на её вопрос «Почему он здесь». Одновременно, она не понимала сама, что здесь делает.

«Меня сбила машина... Сотрясение мозга... За мной наблюдают врачи», — с трудом выстроила она логическую цепь событий, которые произошли с ней за последнее время.

От напряжения у неё снова загудело в голове. Она перевела взгляд на телевизор и боль магическим образом утихла.

— Навешают тебя твои родители? — спросил устало Нильс.

— Я живу с бабушкой. Мой папа оставил нас, когда я была ещё маленькой. А мама умерла ещё молодой от передозировки наркотиками. Бабушка решила, что будет лучше, если она сразу расскажет мне правду... Бабушка здесь ещё не появлялась. Доктор Фабрициус сказал, что сообщит ей, когда мне будет лучше... Нильс, ты не сказал мне, почему ты здесь?

Нильс наконец-то оторвался от телевизора и оценивающе посмотрел на Кристину, словно решал, стоит ли ей рассказать правду или нет. Снова переведя взгляд на кулинарное шоу, он ответил:

— Я военный пилот...

Он снова посмотрел на неё, заранее ожидая взгляд, который бы ставил под вопрос душевную нормальность собеседника. Однако Кристина продолжала наблюдать ProSieben и выражение её лица не изменилось.

— Год назад проходил набор в группу космонавтов...

«Он точно чокнутый», — подумала Кристина, внутренне усмехнувшись, но не подавая виду.

— Я подал заявление и меня допустили к тестам. Я прошёл самые тяжёлые, в том числе в барокамере и на центрифуге. На психологическом тесте что-то пошло не так. Я помню только яркий свет, а дальше... Все мои воспоминания исчезли. Врачи сказали, что это временная амнезия и воспоминания восстановятся. Причиной они назвали — стресс. Однако, с тех пор ничего не изменилось... Стало только хуже... Иногда я вижу галлюцинации... Меня признали непригодным к полётам и отсюда меня не выпускают, пока я не стану... здоровым. Однако, чем дольше я здесь нахожусь, тем сильнее я чувствую, что медленно схожу с ума... В это отделение меня перевели вчера вечером... Кстати, не пей напитки, которые здесь дают. Это от них гудит в голове. Лучше, пей воду из крана. Только незаметно...

— Ты думаешь, туда что-то подмешивают?

Нильс замолчал и Кристина поняла это как подтверждение. Его рассказ звучал для неё слишком экзотично, чтобы быть правдой.

«Пилот, космонавт... С каких пор начали тестировать пилотов, после чего они сходят с ума? Может мне тоже надо придумать свою историю, чтобы было интереснее?» — подумала она.

— А меня просто сбила машина, — сообщила Кристина, решив, что теперь её очередь рассказать Нильсу причину отпуска в сумасшедшем доме. — У меня сотрясение мозга и за мной наблюдают врачи...

— Как скучно! — проговорил Нильс и в первый раз за всё это время улыбнулся.

— Ну ты, космонавт... — усмехнулась в свою очередь Кристина, посмотрев на него с наигранным укором и одновременно скорчившись от боли, — попробую не пить это дерьмо, может действительно поможет...

— С тобой беседовала полиция? — спросил Нильс уже серьёзно.

— Нет. Они здесь ещё не появлялись. Док Фабри сказал, что когда мне будет лучше...

Их разговор прервал шум и крик откуда-то сзади них. Обернувшись они увидели мужика с бровью сидящем на полу, куда его, видимо, послал высокий худой пациент с мрачным выражением лица и большой бородавкой на носу. Кристине он показался чем-то похожим на колдуна. Единственное, что ему не хватало, посох в руку и чёрного ворона на плечо.

— Они уже здесь! Они пришли! — орал толстый лысый с пола.

Колдуну явно не нравились реплики мужика с бровью и он сделал шаг вперёд, вероятно, чтобы остановить поток его неукротимой речи. Однако тут появились двое санитаров крупного телосложения и, заняв позиции между двумя враждующими партиями, попытались остудить пыл обоих. Полный лысый был поднят с пола, одет в смиренную рубашку и отправлен в свою комнату. Колдун, оказался на удивление более сговорчивым, разрешил взять себя за руку и был посажен перед гипнотизирующим пациентов телевизором.

Глава 10

Магнито-резонансный томограф отличался от того, который Феликс видел последний раз, и был похож на большую стиральную машину, сделанную в Китае.

«Здесь мне промоют мозги по полной программе, — подумал он. — А именно, электромагнитными волнами».

Феликс присел на лежанку белого цвета и только успел принять горизонтальное положение, как машина уже начала затягивать его внутрь круглой полости и остановилась, лишь полностью проглотив тело. С минуту он ожидал, когда начнут грохотать вращающиеся магниты, однако ничего не происходило. Затем что-то укололо его в шею и в глазах у Феликса потемнело.

Тьма, как занавес, падает с его глаз и он видит себя в большом затемнённом и пустом зале. Он не видит стен и потолка, но предполагает, что они где-то же должны быть. Перед ним на здоровенном, как в кинотеатре, экране он видит светящийся шар Луны, покрытый, словно старческая кожа, тёмными и светлыми пятнами. Однако её изображение настолько ясно и ощутимо, что не может быть передано экраном кинотеатра. Он видит реальную Луну и его ошеломляют её размеры и чёткость, с какой он может наблюдать рисунок её поверхности.

Вид бесконечной пустоты, царящей вокруг, давит на его сознание. Мёртвые нагромождения лунной породы, как молчаливые свидетели произошедших катаклизмов, лежат неподвижно уже мириады лет. Здесь не будет больше жизни, потому что это просто невозможно. Безжизненный холод будет всегда наполнять пустоту, окружающую Луну, темноту её кратеров и впадин на её поверхности.

В следующий момент ему кажется, что свет, исходяемый спутником Земли, сгущается и трансформируется в своеобразный канал, который охватывает всё его тело. Он видит, что его руки теряют привычную ему форму. Мышечные ткани увеличиваются в размерах и, словно шнуры, проступают сквозь кожу, которая начинает приобретать каменисто-серый цвет. Большой и указательный палец сливаются друг с другом. То же самое происходит со средним и безымянным. Они удлиняются и превращаются в щупальцы с бородавчатыми присосками. Расширяющаяся грудь полностью деформирует тело, которое, как и руки, покрывается рельефом шнуровидных мышц. Между пальцами ног образуется перепончатая ткань. Они вытягиваются и заостряются книзу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.